

Вольфганг Акунов

В ПОЛНЫЙ РОСТ

ЖИЗНЬ И СМЕРТЬ ВЛАДИМИРА КАППЕЛЯ



ОГЛАВЛЕНИЕ

Честный русский немец	2
Слуга Царю – отец солдатам	5
Восточный фронт русско-советской гражданской войны	8
Вехи боевого пути Народной армии Комуча	9
Обмундирование и знаки различия Народной армии Комуча	10
Битва на Волге	13
На просторах Сибири	14
Сибирская армия Белой России	15
Военная форма и знаки различия чинов Сибирской армии	18
Какую обувь носили каппелевцы	22
Сибирь ведь тоже русская земля	24
За Россию – против Интернационала	29
«Голубые чехи»	31
В Народной армии	34
«Тиллигенция»	36
«Белые пролетарии» Каппеля	37
«Мертвая голова» и черный цвет мундиров	40
«Череп и кости» в Русской армии	44
Чапаев и Каппель	47
«Ледяного похода знак»	47
Вместо эпилога	50
Приложение	50

**Бредит пулей костыль – острите! –
Пулеметом – пустой обшлаг.
В сердце, явственном после вскрытия –
Ледяного похода знак.
Всеми пытками не исторгли!
И да будет известно – там:
Доктора узнают нас в морге
По не в меру большим сердцам.**

Марина Цветаева. Лебединый стан

Уже сейчас дело возрождения памяти Белых Героев и воссоздания Российской государственности пытаются взять в свои руки перекрасившиеся коммунистические авантюристы.

«Предложение о создании единого координирующего органа организаций-продолжателей Белого движения – Ассоциации (Союза) «Белое Дело».

Честный русский немец

Русский немец Владимир Оскарович Каппель родился 15 апреля 1883 года в имении своих родителей неподалеку от города Белева (а не «Беляева», как часто неправильно пишут и думают!) Тульской губернии Всероссийской империи в скромной семье заслуженного боевого офицера Русской Императорской армии, выходца из Швеции – Оскара Павловича Каппеля, потомственного дворянина Московской губернии. Отец Владимира Оскаровича участвовал в «полуденной» Ахалтекинской экспедиции Русской армии 1880-1881 гг., будучи адъютантом знаменитого «белого генерала» Михаила Дмитриевича Скобелева. Скобелев был прозван своими солдатами «белым генералом» за привычку появляться перед войсками в белой фуражке и белом мундирном сюртуке, чтобы быть отовсюду видным войскам, чтобы вселять в них бодрость и сознание, что они служат Царю Белому, Православному, как говорилось в русских сказках и былинах. Надо сказать, что и народы Востока знали и почитали Императора и Самодержца Всероссийского под этим же именем Белого Царя – Ак-Падишаха (так его звали мусульмане) или Цаган-Хана (так его звали ламаисты – калмыки, буряты и монголы). Исконный смысл титула «Белый Царь» заключался в том, что это – Царь Самодержавный, никакому другому царю не подчиненный, что соответствовало титулу благочестивых Царей-Василевсов Второго Рима – единоверной нам Православной Византийской Державы – Автократор. Но промыслительным образом сыну адъютанта Скобелева, являвшегося «белым генералом» Белого Царя в этом исконно-традиционном смысле, было суждено самому стать Белым генералом в новом, глубоко трагическом для всякого честного русского патриота смысле и в этом качестве вступить на Крестный путь, приведший его к мученической гибели, но и к великой посмертной славе... В ночь с 11 на 12 января 1881 года Оскар Павлович Каппель участвовал во взятии укрепленной крепости туркмен-текинцев Геок-Тепе (в 50 км от теперешней столицы Туркменистана – Асгабата¹), и за проявленный при штурме героизм был награжден Орденом Святого Великомученика и Победоносца

¹ До недавнего времени по-русски название этого города писали более «удобьсказуемо» - Аш-хабат.

География. Важность операции по овладению Геок-Тепе была столь велика, что «белый витязь» М. Д. Скобелев был произведен в генералы от инфантерии.

Предки Владимира Оскаровича по материнской линии также вписали немало славных страниц в анналы военной истории Российской империи. Его дед по матери отличился в Крымской (Восточной) войне 1853-1856 гг., став героем обороны Севастополя и Георгиевским кавалером.

Так что Владимир Оскарович – «военная косточка» – пошел в своих славных предков – защитников и приумножителей Российской империи.

Хотя семья Каппелей была шведского происхождения, как и многие обрусевшие дворянские фамилии родом с Запада (скажем, Врангели), но на Руси еще с допетровских, да и вообще с доромановских времен, таковых, ничтоже сумняшеся, зачисляли в «немцы» (так и говорили – «свейские немцы»)².

Военное образование молодой Каппель получил в столице Империи – «блистательном» Санкт-Петербурге – сначала во 2-м кадетском корпусе Петра Великого. Как известно, в дореволюционных военных училищах юношей воспитывали так, чтобы они имели нравственный, и никакой иной, авторитет перед подчиненными, чтобы солдаты уважали их не только за личное мужество, но и за чистоту помыслов (чтобы понять это, достаточно прочитать хотя бы книгу воспоминаний русского генерала и, впоследствии, Атамана Всевеликого Войска Донского, Петра Николаевича Краснова, «Павлоны»). Таким был и Владимир Оскарович Каппель – «беспартийный монархист, слуга Царю, отец солдатам». За это его не только уважали и любили, но прямо-таки боготворили подчиненные, готовые идти «в огонь и в воду» за своим обожаемым командиром.

После блестящего окончания полного курса 2-го кадетского корпуса 1 сентября 1901 года Владимир Оскарович вступил в службу в Николаевском кавалерийском училище юнкером рядового звания. Окончив по первому разряду Николаевское военное училище, Каппель 10 августа 1903 года был выпущен в 54-й драгунский Новомиргородский полк, с производством Высочайшим приказом в корнеты со старшинством 10 августа 1902 года. 29 января 1906 года Владимир Оскарович был произведен в поручики со старшинством 10 августа 1906 года. Время было беспокойное. Только что отгремела неудачная для нас русско-японская война, выиграть которую России помешала инспирированная «Мировой Закулисой» так называемая «первая русская революция». И молодому офицеру пришлось впервые сразиться с выползшими из подполья внутренними врагами России, беспощадно бороться с которыми, как и с врагами внешними, каждый честный солдат Российской Императорской армии присягал на Святом Евангелии. В 1906 году полк поручика В.О. Каппеля был командирован из Варшавской губернии, где находилась его стоянка, в Пермскую губернию на ликвидацию опасной «революционной» банды «борца за народное счастье» – дезертира, бывшего унтер-офицера Лбова. Банда была успешно ликвидирована. В том же 54-м Новомиргородском полку, переименованном в 1907 году в 17-й Уланский Новомиргородский полк (входивший в состав 3-й отдельной кавалерийской бригады) Владимир Оскарович Каппель, служивший в 1-м эскадроне, 9 ноября 1907 года был назначен на должность полкового адъютанта. В период пребывания полка в Пермской губернии Каппель женился на Ольге Сергеевне Стрельман, дочери действительного статского советника, директора Мотовилихинского пушечного завода, инженера Стрельмана. Опять «русские немцы»! Но ничего не поделаешь – «из песни слова не выкинешь...»

² Впрочем, по одной из версий Каппели были прибалтийско-немецкого («остзейского» или «балтийского») происхождения.

Характеризуя своего подчиненного поручика Владимира Оскаровича Каппеля, командир 17-го Уланского полка писал в аттестации за 1908 год:

«В служебном отношении обер-офицер этот очень хорошо подготовлен, занимал должность полкового адъютанта с большой энергией, усердием и прекрасным знанием. Нравственности очень хорошей, отличный семьянин. Любим товарищами, пользуется среди них авторитетом. Развит и очень способен. В тактическом отношении, как строевой офицер, очень хорошо подготовлен, в 1908 году держал экзамен в академию Генерального штаба получив 5 баллов по одному лишь предмету, на остальных же предметах получил удовлетворительные баллы... В 1906 году был предназначен как кавалерийский офицер в офицерскую кавалерийскую школу, но не мог быть командирован лишь потому, что все это время (ожидая – В.А.) приказа о командировании в школу штабс-ротмистров. Имеет большую способность вселять в людей дух энергии и охоту к службе. Обладает вполне хорошим здоровьем, все трудности походной жизни переносить может. Азартным играм и употреблению спиртных напитков не подвержен».

Опять типичные «русско-немецкие» черты – «умеренность и аккуратность» (совсем по Грибоедову).

В том же 1908 году, когда Владимир Оскарович Каппель впервые (и неудачно) поступал в Николаевскую академию Генерального штаба, в нее сумел поступить его будущий друг и соратник по Народной армии Комуча и Российской армии Верховного Правителя России адмирала А.В. Колчака – С. Н. Войцеховский. Неудача не смутила Каппеля. Проявив недюжинное упорство, Владимир Оскарович, твердо поставив себе целью повышение своего военного образования, в итоге все же сумел поступить в академию Генерального штаба.

В 1912 году, по результатам сданных экзаменов, Каппель был переведен на дополнительный третий курс академии. Два сложных экзамена по разведке и полевой подготовке Владимир Оскарович сдал на 11 баллов (при том, что средний балл экзаменуемого составлял 10 баллов). В январе 1913 года В.О. Каппель, согласно существовавшей тогда в академии Генерального штаба практике, читал свой первый доклад и сумел защитить его на 9,5 балла (оценка весьма высокая, с учетом вошедшей в поговорку высокой требовательности и даже придирчивости преподавателей – многие талантливые офицеры нередко «срезались» на не имевших никакого значения мелочах).

22 марта того же 1913 года – юбилейного года Трехсотлетия восшествия Династии Романовых на Российский престол – Владимир Оскарович читал в академии Генерального штаба свой новый доклад на тему «Служба автомобиля в армии. Главнейшие основания организации автомобильных войск». Одним из двух оппонентов был, между прочим, полковник В.Г. Болдырев – один из наиболее известных в недалеком будущем белых генералов на Востоке России, Главнокомандующий войсками Уфимской директории. Каппель заслужил за свой доклад высокую оценку – 10,5 баллов.

Примерно через месяц, 8 апреля 1913 года. В.О. Каппель успешно сдал сразу несколько экзаменов. Среди экзаменаторов были такие известные в будущем генералы, как Черемисов (впоследствии Главнокомандующий армиями Северного фронта накануне октябрьского переворота 1917 года, перебежавший к большевикам), Андогский (будущий начальник академии Генерального штаба в 1918-1922 гг., с которым Каппеля впоследствии свела судьба в освобожденной от красных Казани) и Кельчевский (будущий начальник штаба белой Донской армии). Средний балл экзаменуемого при сдаче семи экзаменов составил 10,4 балла.

В 1913 году решением Конференции академии Генерального штаба штабс-ротмистр В.О. Каппель окончил академию по первому разряду, с правом получения преимуще-

ства при прохождении службы. За успехи в изучении военных наук Каппель был награжден орденом Святой Анны 3-й степени.

В чисто человеческом отношении молодого выпускника академии В.О. Каппеля характеризует то обстоятельство, что он (в отличие от многих других «моментов»³) и не подумал искать каких-либо преимуществ для дальнейшего прохождения службы, на что, казалось бы, имел полное право, а испросил себе вакансию в Омский военный округ. Тем не менее, местом его дальнейшей службы был определен Московский военный округ.

Слуга Царю – отец солдатам

Окончив в 1913 году академию Генерального штаба, Владимир Каппель оказался в горниле Великой Отечественной (или Великой) войны (именуемой предателями России – большевиками – «империалистической», которую они, засева на вражеской территории, неустанно призывали народы России, на немецкие деньги, превратить в «войну гражданскую» против собственного правительства и исторических устоев Российской Державы). С началом Великой войны В.О. Каппель был прикомандирован к Николаевской офицерской школе с целью изучения технической стороны кавалерийского дела. Однако уже начало 1915 года застаёт капитана Каппеля на действующем фронте в должности старшего адъютанта штаба 5-й Донской казачьей дивизии. Начав войну в чине штабс-капитана, Владимир Оскарович Каппель окончил ее в чине подполковника. Служа при штабе – сначала 5-й Донской казачьей дивизии, затем – 14-й кавалерийской дивизии – и, наконец, с середины сентября 1916 года, на должности исполняющего обязанности штаб-офицера для поручений в общем отделении управления генерал-квартирмейстера штаба Главнокомандующего армиями всего Юго-Западного фронта, Каппель не раз бывал в деле, был дважды ранен в бою и награжден орденами Святого Владимира (4-й степени с мечами и бантом) – Высочайшим приказом 1 марта 1915 года, Святой Анны (2-й степени с мечами) и Святого Станислава (2-й степени с мечами) – Высочайшим приказом 7 июня 1915 года, Святой Анны 4-й степени с надписью «За храбрость» – приказом 5-й армии от 27 января 1916 года № 185.

К январю 1917 года, совсем незадолго до свержения монархии в России, Владимир Оскарович Каппель был произведен в подполковники и назначен на ответственную должность помощника начальника оперативного отделения штаба Юго-Западного фронта.

Февральский переворот (так называемая «великая бескровная революция» – бесстыдно и бессовестно именуемая так вопреки исторической правде, ибо в ходе ее было убито «борцами за народное счастье» великое множество верных слуг Престола и Отечества – генералов, офицеров, жандармов, полицейских чиновников и городских!) застал его совершенно врасплох, как и подавляющее большинство фронтовиков (а не только фронтовых офицеров). Зная о характерной для Каппеля верности «уваровской триаде» – Вере, Царю и Отечеству, о его непоколебимой верности долгу и присяге – качествам, воспринятым и твердо усвоенным им еще в офицерском учи-

³ «Моменты» - бытовавшее в тогдашней военной среде Российской империи малопочетное и ироничное прозвище выпускников академии Генерального штаба, среди которых в описываемое время было немало выскочек-честолюбцев, поступавших в академию из чисто карьерных соображений, не особенно стремившихся закрепиться по месту службы после окончания академии и думавших лишь о продолжении служебной карьеры на штабных должностях в столице. О сложившейся обстановке современник Каппеля генерал Ф. Винберг писал в своей книге «Крестный путь»: «Создалась среда, в которую легко могли проникнуть масонские влияния, гораздо легче, чем в строевой состав армии, огражденный корпоративным духом полковых традиций».

лице, невольно задаешься вопросом – почему же Каппель, как и другие русские офицеры не выступили в защиту монархии и, в первую очередь – в защиту Царской Семьи? При ответе на этот вопрос следует, однако, учитывать, что людей со стойкими монархическими убеждениями к февралю 1917 года в Русской армии осталось не так уж много. Верные присяге, они были всегда в первых рядах атакующих войск, устилая своими телами поля сражений. В ходе исключительно кровопролитной Великой войны русский офицерский корпус оказался сильно разбавленным так называемыми «офицерами военного времени» – выходцами из интеллигенции – «великими путаниками», политические убеждения которых обычно колебались между программой партии «кадетов» (конституционных демократов) и эсеров (революционных социалистов). Что же касается оказавшихся, в результате почти четырехлетней «мясорубки», в меньшинстве офицеров-монархистов, то последние, вследствие безудержных потоков клеветы, изливаемых на правящий Царский Дом врагами Престола и Отечества, зачастую оказывались настроенными враждебно по отношению к Государю Императору Николаю II и Государыне Императрице Александре Федоровне, верили грязным слухам о Распутине («Царь с Егорием., а Царица – с Григорием...») и прочей враждебной пропаганде, целенаправленно и повсеместно распространявшейся силами, враждебными Династии Романовых, пользуясь крайней (а в военных условиях – преступной!) либеральностью беззубой российской цензуры. Не случайно никому иному, как будущему вождю Добровольческой армии и зачинателю Белого движения, боевому генералу Лавру Георгиевичу Корнилову, в марте рокового 1917 года было поручено Временным Правительством арестовать Императрицу Александру Федоровну с больными детьми в Царском селе. Причем Корнилов не стеснялся при этом во всеуслышание именовать себя «революционным генералом»! Автор не может не писать об этом, как ни горько это для его «корниловского» сердца! Но, как говорится, «из песни слова не выкинешь»... Правда, очень скоро, ощутив острую неприязнь (да что там говорить – враждебность!) молодой российской демократии к армии исторической России, несмотря ни на что, сохранявшей множество «родимых пятен» того, чем она являлась на протяжении всей своей истории – Православного Русского Воинства – многие русские офицеры (пусть даже «офицеры военного времени»!) возненавидели «проклятую керенщину». Но, даже искренне пытаясь эту «керенщину» устранить, тот же Корнилов говорил Деникину: «Нам нужно довести страну до Учредительного собрания, а там пусть делают, что хотят – я устраняюсь...» Когда же позднее, уже в ходе Гражданской войны, у кого-то появлялась ностальгия по монархии, по освященной вековыми традициями российской государственности Царской власти, она не находила никакого конкретного выхода. Политической линией белых правительств было так называемое «непредрешенчество», то есть отказ «навязывать» России какой-либо государственный строй – в ожидании результатов общего волеизъявления всего русского народа на Учредительном собрании (правда, один раз большевикам уже удалось это собрание разогнать, но надежда на его новый созыв оставалась в умах белых правителей неистребимой). И не случайно никто иной как пресловутый «демон революции» Лев Давыдович Троцкий впоследствии вспоминал, что, «если бы белые предложили России избрать новую династию, мы не продержались бы и трех месяцев». Но... кого Бог хочет погубить, того он лишает разума... Конечно, Владимир Оскарович Каппель никогда не был приверженцем подобного неопределенного, «непредрешенческого» демократизма. Совсем напротив! Каппель всегда был и оставался стойким, убежденным монархистом, и никогда не скрывал этого. В этом и заключалось его отличие от многих русских офицеров того времени. И получалось, что «истинно русские люди» нарушили присягу, данную Царю и отечеству, а этот «свейский немец», потомок шведских переселенцев (вдобавок женатый на представительнице обрусевшего немецкого рода Ольге Стрельман!) оставался по-рыцарски верен Царю и идее Российской Монархии! Это делало его среди других белых офицеров (за исключением, может быть, белогвардейского юношества) еще более **белой вороной!**

Как писал будущий военный министр в правительстве Верховного Правителя России адмирала А.В. Колчака, генерал-майор барон А.К. Будберг (очередной «русский немец»!) в своем «Дневнике белогвардейца»:

«В.О. Каппель до своего конца исповедовал монархические взгляды. Февральскую революцию он пережил в нравственном отношении очень тяжело, может быть, тяжелее, чем октябрьскую, так как вторая явилась естественным продолжением первой. В. О. Каппель понимал, что после февраля оздоровление страны может быть только тогда, когда сильный и умный диктатор, придя к власти, уберет с Российского пути звонко болтающее правительство Керенского... Владимир Оскарович слишком чтит ушедший в феврале (монархический – В.А.) строй, чтобы дешевыми, звонкими фразами говорить о нем – это был для него слишком серьезный вопрос, к которому следует относиться особенно бережно. Каждый злобный, грязный и, в большинстве, до идиотизма глупый выкрик в адрес прошлого глубоко ранил его душу и оскорблял его. Давать лишний повод к этому он не имел права по своим убеждениям; спорить, доказывать было бесполезно; погибнуть за это во время таких споров он не считал себя вправе, так как в душе и уме уже созрело решение встать на путь борьбы с советской властью, конечным этапом каковой было восстановление старого порядка (то есть восстановление монархии в России – В.А.). Но он об этом молчал, и только совсем немногие, самые близкие люди знали это. «Говорить о монархии теперь – это значит только вредить ей», – говорил он.

Несмотря на арест Государыни Императрицы и Царских детей генералом Л. Г. Корниловым в Царском Селе в марте 1917 года, возмутивший до глубины души всех честных монархистов, подполковник В. О. Каппель не остался в стороне от выступления опаматовавшегося Корнилова в августе 1917 года (так называемого «Корниловского мятежа», спровоцированного и почти сразу же преданного главой Временного Правительства А.Ф. Керенским с целью окончательной дискредитации Русской армии и ее офицерского корпуса). Во всяком случае, Каппель был обвинен в поддержке корниловского выступления в коллективном заявлении солдат 3-го ординарческого эскадрона, состоявшего при штабе фронта в Бердичеве. Но – благодарение Богу! – Каппелю удалось избежать ареста и расправы.

Увы – Бог не дал ему послужить Царю до последнего вздоха! Но, поступив на службу в Белую армию адмирала Колчака осенью 1918 года, Владимир Каппель оставался непоколебимо верен Верховному Правителю России до самой своей смерти 26 января кровавого 1920 года. Когда адмирала Колчака подло предали его же собственные генералы и министры, когда от него равнодушно отвернулись антантовские «союзники», когда французский генерал Жанен лишил его всякой поддержки и покровительства, а изменники чехословаки выдали адмирала в Иркутске эсеровским мятежникам (получив за голову Колчака «пропуск» на проезд во Владивосток с награбленным русским добром), один только Владимир Каппель поспешил на выручку Верховному Правителю сквозь ледяную тайгу.

Один из ветеранов сибирского Ледяного похода позднее писал: «Мы шли – и знали, что пройдем, потому что нас ведет генерал Каппель. Наверное, такая же мысль была и у суворовских солдат, когда они переходили Альпы, следуя за своим любимым вождем». Отморозив ноги, уже с ампутированными ступнями, Каппель не бросил свою армию, оставаясь в седле, чтобы продолжать вдохновлять своих «белых орлов». Оказавшись не в силах долее держаться в седле, он приказал привязать себя к лошади. Но Каппель опоздал. 7 февраля 1920 года адмирал Колчак был расстрелян врагами России на берегу скованной льдом Ангары. Перед расстрелом адмирал сказал, что, согласно воинскому уставу Русской Императорской армии, командовать расстрелом офицера может только тот, кто старше его по званию. Поскольку старшего его по званию в расстрельной команде красных не оказалось, адмирал заявил, что будет командовать своим расстрелом сам. Сказал – и скомандовал: «Товсь!» – «Пли!».

Один из очевидцев последних боев в Иркутске в декабре 1919 года позднее писал о защитниках города: «Все те же юнкера и кадеты, юнцы с пушкой на губах, розовые, славные, цветущие... Сердце разрывалось, глядя на них...когда этих мучеников привозили в госпиталь с раздробленными руками и ногами... И ни одного слова, сжатые губы, спокойный взгляд». Судьба, ожидавшая этих раненых, которым было суждено попасть в руки красных, была ужасна. Большевики, прежде чем убить, подвергали их самым изощренным пыткам. По воспоминаниям современников событий, если «приходилось захватить раненых каппелевцев, то красные вымещали на них свою злобу. В Самаре привозили трупы каппелевцев, брошенные красными: отрезанные уши и нос, вырезанные веки, изрубленные как лапша щеки, выколотые глаза, содранная кожа и прижженное мясо». Особенно отличались на ниве садизма красные китайские «интернационалисты». Их излюбленной пыткой был печально известный «китайский маникюр». Красные китайцы окунали руки пленных в крутой кипяток, после чего сдирали у них с рук отставшую от тела кожу, предварительно вспоров ее острым, как бритва, ножом в запястьях. До недавних пор в музее бывшей Советской, а ныне Российской армии хранилась такая «китайская перчатка» с сохранившимися на коже пальцев ногтями. В советские времена подпись под этим «экспонатом» гласила, что это, якобы, кожа красноармейца, содранная с его руки белыми контрразведчиками... Как известно, вор всегда громче всех кричит: «Держите вора!»...

Когда Каппель умер, его армия, во главе с генералом С.Н. Войцеховским, неся с собой тело погибшего Командующего, вдохновляемая им и после смерти, продолжила путь и достигла Иркутска. Красные были выбиты из предместий города, но дальнейшему продвижению каппелевцев помешали... вчерашние союзники Колчака и Каппеля, «братья-чехословаки»! «Голубые чехи» (по выражению большевицкого барда Владимира Маяковского) развернули целую дивизию под командованием полковника Крейчя (Крейчи) и потребовали, чтобы каппелевцы ушли из города – под предлогом того, что боевые действия в Иркутске-де мешают эвакуации чехословаков с награбленным русским добром. «Чехов» поддержал глава антантовской Союзной миссии французский генерал Жанен. Не в силах сражаться со свежими силами вчерашних «союзников» и узнав о расстреле адмирала Колчака красными 7 февраля, генерал Войцеховский повел свою армию за «славное море, священный Байкал»... Но все это было позднее.

Восточный фронт русско-советской гражданской войны

Чтобы дать уважаемому читателю общее представление об историко-политическом фоне, на котором разворачивается наше повествование о Владимире Оскаровиче Каппеле, представляется необходимым дать краткий очерк борьбы на Восточном фронте первой Гражданской войны в России.

Как известно, основой антибольшевицкого сопротивления в Поволжье и Сибири стали подпольные группы эсеров и офицерские организации. С конца апреля 1918 года под руководством эсеровской партии было организовано антибольшевицкое подполье в Самаре, Уфе, Челябинске, Казани и Симбирске. Наиболее сильный, Самарский центр выступил одновременно с атакой города Пензенской группой Чехословацкого легиона (официально именовавшегося в Русской армии Отдельным Чехословацким корпусом – о нем подробнее будет рассказано далее) под командованием полковника С. Чечека. 26-летний офицер-фронтвик подполковник Н.А. Галкин взял на себя руководство Военным штабом белых подпольщиков. После того, как 8 июня чехословацкие легионеры освободили Самару от красных, в городе, при поддержке чехов, быстро организовалась гражданская власть в лице 34 бывших депутатов Учредительного собрания (почти исключительно правых эсеров, назвавших себя Комитетом членов Учредительного собрания (Комучем). От «завоеваний революции» самарский Комуч, однако, отказываться не собирался. В знак этого над зданием «комучевского» правительства в освобожденной от красных Самаре развевался не русский трех-

цветный, а ... красный флаг. В «Народной армии», формирование которой было начато Самарским правительством, наистрожайше запрещалось ношение погон и кокард, как атрибутов «реакционного офицерского корпуса» времен «проклятого царского режима». С одобрения Комуча в Самару перенес свою работу и Центральный Комитет партии эсеров. Главкомандующим всеми войсками Народной армии и частями Оренбургского и Уральского казачьих войск стал командир 1-й Чехословацкой дивизии полковник С. Чечек.

Представляя власть, по существу однопартийную, Комуч (несмотря на свое широко-вещательное название) стремился реализовать исключительно эсеровскую политическую программу и, по этой причине, менее всего мог бы претендовать на роль «общероссийской власти». Однако он почти полностью одобрил законодательство Временного правительства, свергнутого в октябре 1917 года большевиками.

Наиболее яркой отличительной особенностью внутренней политики Комуча являлась опора на местное самоуправление, на органы «представительной демократии». Многочисленные земельные комитеты, волостное земство, продовольственные управы, фабрично-заводские комитеты (фабзавкомы), городские управы, домовые комитеты (домкомы) и квартальные советы должны были привлечь все «сознательные» и «здоровые силы общества» к сотрудничеству с новой «народной властью». Однако в условиях жесточайшей гражданской войны и все нараставшей хозяйственной разрухи эффективность местной власти, опиравшейся исключительно на перечисленные выше органы самоуправления, оказалась весьма незначительной и малоэффективной. Поэтому уже в начале июля Комуч предпринял попытку усиления исполнительной вертикали. Однако результаты оказались далеки от ожидаемых, что было, в частности, подтверждено ходом мобилизации в Народную армию летом-осенью 1918 года.

«Отцами-основателями» Комуча предполагалось, что «Народная армия» будет состоять исключительно из добровольцев – «убежденных социалистов», «беззаветных борцов за народное дело», «готовых отдать жизнь и силы для защиты Родины и свободы» (знаменитый эсеровский лозунг). Образцом подобной «демократической армии» являлся, в глазах руководства Комуча, Чехословацкий легион. Первым подразделением «Народной армии» стала 1-я Самарская добровольческая дружина силой в 350 штыков, сформированная полковником В.О. Каппелем – будущим легендарным героем Белого движения на Востоке России и Командующим Народной армией с июля 1918 года.

В сложившихся условиях «демократическая власть», скрепя сердце, решила использовать старый, испытанный (хотя и перенятый у «проклятого царского режима») метод мобилизации.

Однако крестьянство поволжских губерний, не пожелав проявить «революционную сознательность» и «гражданское чувство», в целом отрицательно отнеслось к объявленному Комучем призыву. Большинство уездных крестьянских съездов приняло резолюции против отправки молодежи в «Народную армию». Известное дело:

Наплевать, наплевать,
Надоело воевать,
Были мы солдаты,
А теперь – до хаты...

Вехи боевого пути Народной армии Комуча

О создании в Поволжье Народной армии было официально объявлено Комучем 8 июня 1918 года – на следующий же день после освобождения Самары от большеви-

ков – хотя правительство Комуча прежде всего позаботилось о создании собственной гвардии – Батальона Учредительного собрания. По замыслу организаторов, поволжская Народная армия должна была строиться на добровольной основе, с трехмесячным сроком службы. Каждый город должен был выставить батальон пехоты и эскадрон конницы, а каждая волость – «дружинную роту». Однако на этой, хорошо смотревшейся на бумаге, базе удалось набрать немногим более 10 000 добровольцев. Поэтому 30 июня была объявлена мобилизация мужчин 1897-1898 гг. рождения. Управляющий Военным ведомством Комуча полковник (позднее – генерал-майор) И.А. Галкин вспоминал, что «после неудачи добровольческого периода перешли к мобилизации молодого возраста, не зараженного большевизмом. Но набор проходил хорошо только в инородческих районах. Крестьяне в массе не поддерживали Комитет членов Учредительного Собрания». В итоге, к осени с трудом удалось довести состав народной армии до 30 000 штыков и сабель.

В городах и населенных пунктах Поволжья, освобождаемых Народной армией, при помощи чехословаков, от большевиков и объявленных правительством Комуча «территорией Учредительного Собрания», организовывались роты, которые затем сводились в батальоны. С 28 июня 1918 года эти батальоны были переименованы в пехотные полки (без соответствующего увеличения численности). Всего таких пехотных полков в Народной армии насчитывалось восемь. Кроме пехотных, были организованы также два кавалерийских полка, артиллерийские, технические, запасные части, авиаотряды и т.д. 23 июля 1918 года все пехотные и отдельные полки и батальоны Народной армии были переименованы в стрелковые.

Через два дня наиболее боеспособная часть войск Комуча – отряд подполковника В.О. Каппеля – был развернут в Отдельную стрелковую бригаду (Стрелковую бригаду особого назначения) двухполкового состава с соответствующей артиллерией. Остальные части к середине августа 1918 года вошли в состав трех стрелковых дивизий. Еще три стрелковые дивизии были сформированы к концу августа, в то время как число кавалерийских полков увеличилось до пяти. Однако большинство частей Народной армии все еще находилось в стадии формирования, – причем именно потому, что все еще ожидаемого притока добровольцев под красные знамена Комуча, вопреки ожиданиям, так и не произошло. И противостояние начавшемуся с конца июня давлению красного фронта, не говоря уже об освободительном походе на Москву, оказалось делом безнадежным.

Обмундирование и знаки различия Народной армии Комуча

Для отличия от красных, бойцы Народной армии, не имевшие поначалу погон, с первых же дней формирования армии носили на головных уборах вместо прежних «старорежимных» российских военных кокард, черно-оранжевую георгиевскую ленточку наискось околыша, а также белую повязку на левом рукаве (в противоположность красным нарукавным повязкам большевиков). Однако народоармейцы не имели военной формы и носили, что придется. Поэтому 25 июля 1918 года приказом за № 20 для частей, штабов, учреждений и заведений Народной армии была установлена военная форма одежды. В приказе говорилось, что «каждый воин должен твердо помнить, что по его поведению будут судить не только о той части, форму которой он носит, но и о всей Народной армии, являющейся оплотом законности и порядка на Родине». Было разрешено носить «все ордена и медали, полученные за боевые отличия», причем особо оговаривалось: «В виду установленной формы для Народной армии, ношение военно-служащими (так в тексте приказа – В.А.) таковой каких-либо отличий прежней военной формы, например кокарды, погон и т.д., кроме тех казачьих частей, где это допущено – воспрещается под строгой ответственностью». Кроме того, в своем приказе по Оренбургскому военному округу от 6 августа 1918 года за № 92 командующий войсками округа генерал-майор А.И. Дутов особо оговорил:

«Запрещаю ношение военными смешанной одежды (военной и статской), а особенно «МАСКАРАДНОГО»⁴ характера...».

Для Народной армии была установлена походная форма одежды. Она состояла из защитной рубахи (гимнастерки) с узкими погонами из той же ткани (ширина погона по нижнему краю – 4,4 см, у конца – 3,3 см), одинакового вида для всех чинов и родов войск, с гладкими металлическими номерами частей, и шаровар. Шаровары были защитного цвета для пехоты и инженерных частей, черными для артиллерии, серо-синими – для кавалерии и конной артиллерии. В качестве головного убора была предписана защитная фуражка, «временно – впредь до установления кокарды – с георгиевской ленточкой на околыше наискось (справа налево)». Шинель – серого шинельного сукна, с узкими (как на рубахе) погонами из того же сукна, с тем же металлическим номером части. Пояс – из желтой сыромятной кожи, с белой металлической пряжкой. Обувь – сапоги (со шпорами – для тех, кому положено быть в строю верхом), или ботинки с обмотками. Офицерам Генерального штаба и топографам штаба были положены аксельбанты.

Знаками различия по родам войск и званиям военнослужащих Народной армии служили нашивки в форме щитка защитного цвета, носившиеся на левом рукаве выше локтя. Щитки народоармейцев имели окантовку по цвету рода войск или службы: красную – для всех строевых частей, оранжевую – для кавалерии, белую – для строевых штабов (начиная со штаба дивизии), черную – для прочих заведений и учреждений Военного ведомства, а также для нестроевых команд и рот. Для обозначения званий на нарукавных знаках нашивалась «галунная тесьма» (либо металлический галун, либо тканевая тесьма). Число нашивок и пятиконечных⁵ звезд в принципе соответствовало традиционной схеме обозначения званий на погонах в «старорежимной» Русской армии. Выше галунных углов устанавливались специальные знаки по родам войск – скрещенные винтовки для стрелков, орудийные стволы для артиллеристов, различные эмблемы для инженерных и прочих войск – все, как в старой армии. Военные чиновники и врачи Народной армии носили щитки своего рода войск или службы с несколько иным рисунком галунного угла, причем врачи на своих нарукавных щитках носили красный эмалевый крест.

Приказ о форме одежды распространялся также на служащих и воспитанников учебных заведений военного ведомства.

Со временем были введены нарукавные знаки и для авиаторов: темно-синий (по цвету авиационной рубахи) щиток с красной выпушкой для «авиаспециалистов» и с черной выпушкой для прочих военнослужащих авиационных частей. На щитке над галунными нашивками крепились черный (оксидированный) – для военных летчиков – и золотой – для летчиков-наблюдателей – двуглавые орлы без корон, для прочих же – пропеллер с крыльями желтого металла. Для этапно-транспортных частей: нарукавные знаки защитного цвета с желтой выпушкой – для этапных частей и с синей выпушкой – для обозных батальонов. Для передвижных и других парков: щиток красный с синей выпушкой. Судейским чином полагался нарукавный знак защитного цвета с малиновой окантовкой.

11 августа 1918 года всем Георгиевским кавалерам, состоявшим в рядах Народной армии, было установлено особое форменное отличие – черно-оранжевая георгиевская лента, нашитая вдоль борта гимнастерки.

⁴ Подобным «маскарадным» характером в описываемый период Гражданской войны, по воспоминаниям современников, отличалась, в первую очередь, форма красноармейцев, но и за белыми водились подобные «грешки».

⁵ Вот в таких, казалось бы, незначительных «деталях» проявлялся «левый» дух Народной армии!

Все эти нововведения не слишком нравились представителям «старого реакционного офицерства». Так, генерал К.В. Сахаров вспоминал в своих изданных в 1928 году в Мюнхене мемуарах "Белая Сибирь. (Внутренняя война 1918-1920 гг.)» о внешнем виде одного из первых полков Народной армии Комуча летом 1918 года в Бузулуке:

«Без погон, со щитком наподобие чешского на правом рукаве, почему-то с георгиевской ленточкой вместо кокарды на фуражке. Вид полутоварищеский (то есть наполовину большевицкий – В.А.)...»

Георгиевское знамя поволжской Народной армии представляло собой прямоугольное полотнище с чередующимися попеременно пятью черными и четырьмя оранжевыми продольными полосами.

В состав войск Комуча входила также Волжская боевая флотилия, воевавшая первоначально под черно-оранжевым (черно-желтым) Георгиевским флагом, а затем – под Андреевским флагом (белым, с косым синим крестом историческим флагом Российского военного флота). В Юбилейном историческом сборнике Общества русских морских офицеров в Америке 1923-1928 «С берегов Америки» (Нью-Йорк, 1939) было указано: «После освобождения Сызрани от красных в июне 1918 года командиры судов Волжской боевой флотилии «решили носить на плечах защитные погоны с черными нашивками, установленные Временным Правительством. Выглядели они в этих погонах, как младшие унтер-офицеры».

Восставшие против большевицкой диктатуры Оренбургское и Уральское казачьи войска признали власть Комуча. Мобилизованные части обоих казачьих войск вместе с Народной армией участвовали в боевых действиях против красных. Однако, несмотря на объявленные в приказах по войску сообщения о введении новой формы одежды и знаков различия, оренбургские и уральские казаки продолжали носить присвоенную ими еще в царское время форму со всеми «старорежимными» знаками различия.

Вскоре после того, как Народная армия Комуча прекратила свое автономное существование, 2 октября 1918 года последовал приказ за №7 Верховного Главнокомандующего генерал-лейтенанта В.Н. Болдырева, в котором был официально положен конец разнообразию форм и знаков различия, существовавшим у народоармейцев прежде, в «демократический» период существования их армии:

«В целях упрочения дисциплины и облегчения управления войсками, а также и для отличия по наружному виду военнослужащих от прочего населения приказываю:

1) Военнослужащим носить исключительно присвоенную им во время (Великой – В.А.) войны походную боевую и донныне не отмененную никакою законною Всероссийскою властью форму, погоны защитного цвета, с установленными отличиями чинов и с шифровкой части. Вместо прежней кокарды носить новую кокарду – трехцветную: внутреннее поле белое, средний обвод синий, наружный обвод красный (цветов Государственного флага России – В.А.)». Впредь же до выработки и изготовления ее разрешается носить старую («царскую» – В.А.) офицерскую и солдатскую кокарду, перевитую узкой национальной (бело-сине-красной – В.А.) лентой (на практике народоармейцы чаще всего обходились без ленты – В.А.).

Нарукавные знаки отменяю.

Это форму носить впредь до выработки нового образца таковой и установления более благоприятных условий для обмундирования армии».

Битва на Волге

В результате крайне неудовлетворительных результатов мобилизации, основную тяжесть вооруженной антибольшевицкой борьбы в Поволжье по-прежнему пришлось нести частям Чехословацкого корпуса. Первый этап военных операций успешно развивался по двум главным направлениям, вверх и вниз по Волге: соответственно, на Казань – Свияжск – Пермь и на Саратов – Царицын. Захваченные чехами огромные Сызранский и Симбирский железнодорожные мосты через Волгу позволяли белым постоянно получать подкрепления с Урала и из Сибири.

Плечом к плечу с чехословаками сражались первые отряды Народной армии. Сформированный в Самаре всего за несколько дней, отряд добровольцев полковника Каппеля после стремительного, стопятидесятикилометрового марша по правому берегу Волги, 21 июля с налета овладел Симбирском. Освобождению Симбирска способствовал отвод большевиками части своих войск, переброшенных на подавление восстаний в Ярославле, Муроме, Рыбинске и Костроме, организованных «Союзом защиты Родины и Свободы» под руководством легендарного эсера-террориста Бориса Савинкова. Значительным успехом Белого дела стало освобождение добровольцами Каппеля и чехословаками из отряда полковника Степанова (Северная группа Народной армии) Казани 7 августа 1918 года. Казань дала Народной армии около 2 000 добровольцев (на первый взгляд, не особенно много, но в те критические дни был на счету буквально каждый штык!). Кроме того, в Казани были взяты остававшиеся там еще с царских времен богатые склады боеприпасов и снаряжения. Но главным результатом операции стал захват золотого запаса Российской империи, эвакуированного в Казань еще по распоряжению А.Ф. Керенского. После освобождения Казани Каппелем Волжский фронт опирался на линию Казань-Симбирск, удерживая в центре Самару.

Сентябрьские бои на Волжском фронте серьезно ухудшили положение Комуча. 27 августа красные отбили попытку группы Каппеля овладеть Свияжском и развернуть наступление на нижний Новгород. Под натиском превосходящих сил большевиком изнуренные и обескровленные непрерывными боями каппелевцы не смогли удержаться в Казани. 8 сентября город пал.

После сентябрьских боев под Казанью, окончившихся для белых столь крупной неудачей, из остатков Северной группы Народной армии была создана Казанская стрелковая бригада (насчитывавшая в октябре не более 3 600 штыков и сабель).

12 сентября красные полчища овладели Симбирском. 14 сентября Северная и Южная группы Народной армии Комуча объединились в районе «столицы Комуча» – Самары – рассчитывая удержать так называемую Самарскую луку (изгиб Волги под Самарой) и Сызранский мост. Командование объединенными вооруженными силами Комуча принял на себя чешский полковник Швец (один из немногих кадровых военных в составе руководства Чехословацкого легиона). Самара осталась последним белым городом в Поволжье, падение которого было бы равносильно и падению самого Комуча. Трудно поверить, но даже в этой обострившейся до предела ситуации правительство Комуча продолжало заниматься не поддержкой армии, истекая кровью, из последних сил державшей фронт против красных, а политическими интригами! В адрес военных снова посыпались обвинения в «реакционности» и «стремлении восстановить старорежимные порядки»! Как и в злосчастном 1917 году, неисправимые эсеры призывали провести проверку офицеров Народной армии на предмет их политической благонадежности и «преданности идеалам защиты демократии и свободы»!

Подобные намерения правительства Комуча, и без того пользовавшегося крайне низким авторитетом как в армии, так и в тылу, окончательно оттолкнули от него даже последних сторонников. Чехословацкое военное руководство считало бессмысленной дальнейшую поддержку правительства, не способного ни сформировать пол-

ноценную армию («на фронте воюют одни чехи»), ни наладить эффективный государственный аппарат. В рядах самих чехословацких легионеров, уяснивших, что теперь, после тяжелых поражений, понесенных на фронте от красных, им уже не удастся проложить себе штыками дорогу на Родину, в Европу, начали широко распространяться повсеместные апатия и разочарование, в результате которых стали учащаться случаи самовольного ухода не только отдельных солдат и офицеров, но и целых частей Чехословацкого легиона с фронта в тыл. Не в силах вынести этого позора, полковник Швец застрелился (в последний раз сказался менталитет бывшего австрийского «императорского и королевского» офицера)! Остатки Народной армии оказались не в силах вынести напора красного «парового катка», и 7 октября 1918 Самара была сдана большевикам. Самарские эсеры-демократы, несостоявшиеся претенденты на «общероссийскую власть», силою вещей были вынуждены признать новой властью Уфимскую директорию, образованную 23 сентября 1918 года.

После признания Комучем (переименовавшим себя в «Съезд членов Учредительного Собрания») власти Уфимской Директории Народная армия прекратила свое автономное существование и перешла в подчинение Верховному Главнокомандующему всеми сухопутными и морскими вооруженными силами России генерал-лейтенанту В.Н. Болдыреву. Соединившиеся вместе части Каппеля, казанские и симбирские стрелки стали именоваться Волжской группой. Следует заметить, что, вследствие постоянных политических трений между Съездом членов Учредительного Собрания и Уфимской Директорией части Волжской группы Каппеля, постоянно находившиеся на фронте, не получали ни подкреплений, ни жалованья, ни предметов интендантского снабжения. «Волжане Каппеля» не имели теплой одежды и, помимо боевых потерь, несли значительный урон обмороженными (не случайно и сам Владимир Оскарович в итоге погиб от последствий тяжелейшего обморожения). Численность «каппелевцев» постоянно сокращалась – так, к середине ноября 1918 года в Казанской стрелковой бригаде насчитывалось менее 1000 штыков. Наконец, взаимное истощение и белых, и красных, привело к тому, что бои в Поволжье постепенно затихли. Обе стороны накапливали силы перед новым этапом вооруженной борьбы.

На просторах Сибири

В отличие от поволжского Комуча, сибиряки из Уфимской директории не предъявляли претензий на создание общероссийского правительства. Декларируемая ими идея «областной власти» являлась выражением стремления сибирских политиков и коммерсантов временно, до разгрома большевиков, отделиться от центра России, захваченного большевиками. Повторим еще и еще раз: в этом лозунге не было намерения выйти из состава России, основать свое, независимое «сибирское государство», а было лишь желание не допустить разгула кровавой анархии и беззакония, олицетворением которых для сибиряков являлась красная Москва. И не случайно многие сибирские «областники»-автономисты (П.В. Вологодский, И.И. Серебренников, генерал П.П. Иванов-Ринов, профессор Г. К. Гинс) стали впоследствии ревностными сторонниками создания Всероссийского центра по борьбе с большевизмом, представлявшегося первоначально Уфимской директорией, затем – Омским правительством и Верховным Правителем России – адмиралом А. В. Колчаком.

Специфической особенностью политической системы белой Сибири явилось довольно быстрое формирование там структур государственной власти – Областной Думы и правительства. Последнее объяснялось тем, что упомянутые выше органы были избраны и приступили к работе еще в декабре 1917 года. Поэтому с первых же дней после ликвидации большевицкого режима «голубыми чехами» в Сибири и Дума, и правительство смогли безотлагательно вернуться в легальной работе.

Дело в том, что первые подпольные военные организации, ставившие себе целью свержение советской власти, стали возникать в Сибири (как, впрочем, и повсюду в России) еще с конца 1917 года.

После удачного выступления чехословацких легионеров против большевиков практически все крупные города Сибири оказались освобожденными от советской власти поднявшими вооруженные восстания русскими офицерскими организациями. 26-31 мая восстания победили в Новониколаевске (ныне – Новосибирск), Семипалатинске, Красноярске, Омске и Томске. Повсюду победоносные русские офицеры (где с помощью чехословаков, а где – самостоятельно) приступили к созданию первых добровольческих частей будущей Сибирской армии.

Сибирские эсеры (в отличие от поволжских), при всей своей преданности партийной программе, были вынуждены участвовать в правительстве на основе «делового принципа». Наибольшим авторитетом в Сибири пользовались кооперативные структуры и представители крестьян-старожилов, а также сибирского казачества, отнюдь не склонные следовать узко партийной программе «социалистов-революционеров». С первых же своих шагов Сибирское правительство отвергло политику сохранения «завоеваний революции», погубившую самарский Комуч. В Сибири были отменены все большевицкие декреты, а сами Советы объявлены ликвидированными. В течение июля-августа 1918 года были изданы распоряжения о денационализации сибирской промышленности, об упразднении «рабочего контроля», о восстановлении права собственности на землю и об отмене хлебной монополии. На предприятиях сохранялся восьмичасовой рабочий день, утверждались положения о больничных кассах, о бирже труда, примирительных камерах (согласительных судах), укреплялось положение профсоюзов (роль которых была сведена при большевиках практически до нуля) – хотя политика из профсоюзной деятельности полностью исключалась (но так было и при Советах!). Большое внимание уделялось развитию хозяйства Сибири. Эффективная работа Временного Сибирского правительства создала надежную базу для будущего Российского правительства адмирала Колчака (в котором многие из министров-«областников» сохранили свои портфели и в 1919 году).

Сибирская армия Белой России

Сразу же началась активная работа по формированию Сибирской армии. Последняя (в отличие от поволжской Народной армии Комуча) строилась на началах строжайшей дисциплины, безо всяких солдатских комитетов и митинговщины. Однако сформировать армию исключительно на принципе добровольчества оказалось невозможным и в Сибири. Так же, как и в Поволжье, в Сибири было объявлено об обязательном призыве на военную службу новобранцев 20-21-летнего возраста. Был разработан детальный план набора, определены пункты сбора, размещения и обучения мобилизованных. Эффективность подобных мер сказалась очень скоро. Сибирская мобилизация дала 200 000 штыков и сабель пополнения для немногочисленных добровольческих белых частей «первого призыва». Тем самым Сибирская (впоследствии – Российская) армия адмирала Колчака стала наиболее многочисленной среди всех Белых армий. Правда, надежность мобилизованных сибиряков во многих случаях оставляла желать много лучшего.

Формирование Сибирской армии происходило следующим образом.

После объявления мобилизации офицеров из отрядов различной численности к 1 июня 1918 года были сформированы: Новониколаевский полк, (одна рота, конный отряд и конвойная команда, общей численностью 800 человек). На следующий день был организован штаб формируемой Западно-Сибирской отдельной армии, командующим которой еще 28 мая 1918 года был назначен полковник (впоследствии – генерал-майор) А.Н. Гришин-Алмазов. В первой половине июня численность войск Белой

Сибири стала быстро расти и достигла 14 000 штыков и сабель при 17 пулеметах и 19 артиллерийских орудиях. Столь быстрый численный рост позволил уже 13 июня образовать два армейских корпуса: Средне-Сибирский, под командованием подполковника А.П. Пепеляева, и Степной Сибирский, под командованием полковника П.П. Иванова-Ринова (осенью 1918 года к названиям корпусов были добавлены номера: 1-й и 2-й). Далее, 11 июля был сформирован Уральский (впоследствии – 3-й Уральский) армейский корпус под командованием генерал-лейтенанта М.В. Ханжина. Таким образом, численность армии Белой Сибири достигла 23 400 штыков и сабель, при 145 пулеметах и 30 артиллерийских орудиях. 27 июля Западно-Сибирская отдельная армия была переименована в Сибирскую армию. В августе был объявлен призыв новобранцев, и уже к 1 сентября боевой состав армии равнялся 60 200 штыков и сабель при 184 пулеметах и 70 артиллерийских орудиях. В сентябре началось формирование 4-го Восточно-Сибирского и 5-го Приамурского армейских корпусов. А к 1 октября армия насчитывала в своих рядах 10 700 офицеров и 174 000 солдат (правда, 113 900 из них на первых порах не имели оружия).

В декабре 1918 года была образована Ставка Верховного Главнокомандующего адмирала А.В. Колчака. Штаб Сибирской армии был частично обращен на ее формирование, а сама армия расформирована. 24 декабря 1918 года на базе Екатеринбургской группы войск была создана новая Сибирская армия, ядро которой составили части и соединения прежней.

В конце 1918 года на территории Белой Сибири началось формирование новых 5 дивизий сибирских стрелков: 8-й, 11-й, 12-й, 13-й и 14-й. Эти соединения создавались в тылу в качестве стратегического резерва для белых войск антибольшевицкого фронта.

Первая из них – 8-я Сибирская стрелковая дивизия – была сформирована в Забайкалье. В соответствии с приказом по войскам Сибирской армии №159 от 14.XII.1918 года она была переименована в 9-ю; полки же ее: 29-й Троицкосавский – в 33-й, 30-й Нерчинский – в 34-й, 31-й Читинский – в 35-й и 32-й Сретенский – в 36-й одноименные стрелковые полки. Согласно тому же приказу, в составе IV Восточно-Сибирского армейского корпуса надлежало сформировать из 8-й кадровой стрелковой дивизии новую 8-ю Сибирскую стрелковую дивизию, а входящим в нее полкам именоваться: 29-м Ачинским, 30-м Чернореченским, 31-м Красноярским и 32-м Канским стрелковыми полками. Окончательно сформированная в начале 1919 года, дивизия вошла в состав V-го Приамурского армейского корпуса. С весны 1919 года Сибирская стрелковая дивизия находилась в Иркутском военном округе, где вела боевые действия против распропагандированных большевиками крестьян-партизан. Позднее она была переведена в состав 3-й армии, в рядах которой сибирские стрелки участвовали в Ишимско-Тобольской операции. Находясь в тылу, полки Сибирской стрелковой дивизии подвергались усиленной большевицкой агитации, следствием которой стало несколько бунтов. Согласно разведанным красных, в состав войск адмирала Колчака, взятых в плен в ходе Красноярской операции 2-4 января 1920 года, входили и части 8-й Сибирской стрелковой дивизии.

В мае 1919 года в Омском военном округе формировались еще три Сибирские стрелковые дивизии. 31 мая генерал-майор барон Будберг записал в своем дневнике, что «...наши последние резервы – 11-я, 12-я и 13-я дивизии, формируемые в тылу в Омске и Томске, к бою еще не готовы, не имеют артиллерии, пулеметов, средств связи, обоза и пр.» Другой ветеран Белой борьбы на Востоке России, А.И. Камбалин, отмечал в своих воспоминаниях «3-й Барнаульский сибирский стрелковый полк в Сибирском Ледяном походе» (Вестник Общества русских ветеранов Великой войны, 1938, №№ 152-153): «...можно ли было полагаться на боеспособность 11, 12, 13-й дивизий, присланных из Омска, которые были укомплектованы мобилизованными офицерами и солдатами? Кстати, эти дивизии имели англ. (английскую – В.А.) артиллерию, и офицеры говорили, что они даже не имели практики стрельбы... новые сибирские

дивизии еще сырые, не проверенные... ожидать от них боевых успехов преждевременно. И две из них почти растаяли в... боях, особенно 12-я».

11-я Сибирская стрелковая дивизия формировалась с весны по середину июня 1919 года в районе Омска. Однако процесс ее организации не был полностью завершен, когда соединение перебросили на фронт, в состав Южной армии. В рядах дивизии находились 41-й, 42-й, 43-й и 44-й Сибирские стрелковые полки и ряд других частей. В ходе боев с красными за Челябинск (24-25 июня 1919 года) в 11-й Сибирской стрелковой дивизии числилось 8 000 штыков. По мнению ряда участников событий – бывших кадровых офицеров Русской Императорской армии, «внешний вид и стройность» сибирских стрелков «оставляли желать лучшего». Осенью истощенная в боях дивизия была отведена в тыл, где в конце ноября 1919 года ее 43-й полк, поддавшись проiscaм большевицкой агентуры и уничтожив свой командный состав, перешел на сторону красных (вместе с 46-м полком из состава 12-й Сибирской стрелковой дивизии).

12-я Сибирская стрелковая дивизия формировалась также с весны 1919 года и, подобно 11-й дивизии, не завершив своего формирования, была в середине июля 1919 года направлена на фронт и включена в состав Волжской группы генерал-лейтенанта В.П. Каппеля, входившей в состав Западной армии. По свидетельству верного соратника Каппеля, генерал-лейтенанта К.В. Сахарова в его мемуарах «Белая Сибирь» (Мюнхен, 1923), в ходе Челябинской операции 12-я дивизия, приданная 3-му Уральскому корпусу, «не только не усилила, а ослабила его: некоторые части оказались распропагандированными... и, придя на фронт, предательски передались на сторону красных (в частности, 47-й полк сибирских стрелков, 20 июня сдавшийся красным в полном составе – В.А.).»

Приказом начальника штаба Верховного Главнокомандующего военного министра генерал-лейтенанта М.К. Дитерихса №831 от 17 августа 1919 года 11-я и 12-я Сибирские стрелковые дивизии были расформированы, а их личный состав и материальная часть, находившиеся на фронте, обращены на пополнение различных соединений.

История 13-й Сибирской стрелковой дивизии представляет для нас особый интерес. Основой ее послужила 2-я Степная Сибирская кадровая стрелковая дивизия, формировавшаяся в октябре-ноябре 1918 года в Омске. К марту 1919 года дивизия выделила почти весь свой личный состав во вновь созданную 15-ю Омскую Сибирскую стрелковую дивизию, отправленную тогда же на фронт. От 2-й дивизии остались лишь штаб и незначительные кадры, ставшие отныне 13-й Сибирской стрелковой дивизией и переведенные в район Новониколаевска. В состав 13-й дивизии находились 49-й, 50-й, 51-й и 52-й Сибирские стрелковые полки. К середине июля 1919 года 13-я дивизия была направлена на фронт, в Уфимскую группу Западной армии. 9 июля 1919 приказом Курганскому военному округу за № 126 13-я Сибирская стрелковая дивизия в составе штаба, 40-го, 50-го и 51-го Сибирских стрелковых полков, артиллерийского дивизиона, артиллерийского парка, инженерного и конного дивизиона, дивизионного обоза, перевязочного отряда, дивизионного и ветеринарного лазаретов и пр., зачислялась на все виды довольствия при округе. 52-й Сибирский стрелковый полк был расквартирован в Бийске до конца ноября 1919 года. Всего в 13-й дивизии насчитывалось свыше 13 000 штыков и сабель. Таким образом, дивизия представляла собой, в условиях гражданской войны, внушительную военную силу. Вскоре она была направлена на фронт. Перед отправкой на фронт дивизия участвовала в параде белых войск в Омске, на котором присутствовал сам Верховный Правитель России адмирал А. В. Колчак. Командир 1-го батальона 49-го Сибирского стрелкового полка капитан Ф.Ф. Мейбом вспоминал в своих мемуарах «Тернистый путь» («Первопоходник», 1975, №№27-29): «...адмирал восхищался нашим полком и писал, что 49-й... полк напомнил ему славных преображенцев». По его же воспоминаниям, в «49-м полку, которым командовал гвардии полковник Моисеев,

было 3,8 тыс. штыков. Полк насчитывал 3 батальона, батальон – 3 стрелковых роты и 1 смешанную (пулеметная команда, телефонисты, саперы)... При полку имелись также разведческий (так в тексте воспоминаний – В.А.) эскадрон, артиллерийская батарея (4 орудия) и оркестр».

По прибытии на позиции, 13-я Сибирская стрелковая дивизия участвовала в бою за деревни Ушланку и Озерную в ходе Челябинской операции. Во время боя 2-й и 3-й батальоны 49-го полка, а также большая часть 50-го и 51-го полков, перебив своих офицеров, перешли к красным. Штабы дивизии и полков сумели уцелеть. 1-й батальон 49-го Сибирского стрелкового полка (более 1200 штыков) с присоединенными к нему остатками 50-го и 51-го полков (всего около 400 штыков) были сведены в новый, трехбатальонного состава, 49-й Сибирский стрелковый полк Командиром нового полка был назначен капитан Ф.Ф. Мейбом. 49-й полк принял участие во многих боях при отходе белых армий к Омску и далее на восток. Когда в начале 1920 года белые армии подошли к Иркутску, 49-й Сибирский стрелковый полк у станции Зима был включен в состав легендарной Ижевской стрелковой дивизии. В начале Сибирского Ледяного похода полк насчитывал 680 штыков, а после перехода через Байкал в нем оставалось всего 265 человек, с 38 офицерами. Остатки полка были сведены в Отдельный 49-й Сибирский стрелковый батальон двухротного состава, под командованием все того же капитана Ф.Ф. Мейбома.

Весной 1920 года в Чите началось переформирование уцелевших после Ледяного похода частей и соединений. Страшно поредевшие, прежние дивизии становились полками, полки – батальонами, и т.д. К апрелю 1920 года оставшиеся от 49-го полка примерно 200 человек (из них 45 офицеров) были направлены: солдаты и унтер-офицеры – в распоряжение Волжской имени генерала Каппеля дивизии, на пополнение ее полков, а из ее офицеров была сформирована **Офицерская рота** (именовавшаяся также **Отдельным имени генерала Каппеля офицерским отрядом**) численностью 100 штыков, под командованием Ф.Ф. Мейбома, повышенного в звании до подполковника. Офицерская рота была направлена на станцию Борзя, а позднее – в Читу. Так закончила свое существование 13-я Сибирская стрелковая дивизия.

Судьба 14-й Сибирской стрелковой дивизии была также, к сожалению, запятнана изменой. Она формировалась в Иркутске в составе 53-го, 54-го, 55-го и 56-го Сибирских стрелковых полков, 14-го отдельного егерского батальона и 14-го Сибирского стрелкового артиллерийского дивизиона. 53-й полк оказался в наибольшей степени распропагандированным эсерами в период кровавых событий в Иркутске в декабре 1919 – январе 1920 гг. (организованного Политцентром против Верховного Правителя адмирала Колчака вооруженного мятежа, боев за город и выдачи Колчака в руки мятежников) и потому стал главной опорой повстанцев. Егерский батальон, поддавшись общему настроению, поначалу также перешел на сторону мятежников, но через день одумался и вернулся на сторону законной власти. Остальные полки 14-й Сибирской стрелковой дивизии вели бои упорные против красных партизан. 8 декабря 1919 года 54й полк участвовал в подавлении бунта в Александровской каторжной тюрьме, 9 декабря 55-й полк участвовал в боях на Тасеевском фронте, в то время как несколькими днями раньше, 4 декабря, 13-я рота 56-го Сибирского стрелкового полка на том же фронте перешла к красным партизанам.

Военная форма и знаки различия чинов Сибирской армии

Первоначально традиционные знаки различия Российской армии («царские» погоны и кокарды) в Белой Сибири не использовались (как и в Белом Поволжье). Руководство антибольшевицкой борьбой в Сибири всецело находилось в руках «демократического» по своим убеждениям и эсеро-меньшевицкого по составу Временного Сибирского правительства, стремившегося к возрождению символики прежней Императорской армии не больше, чем поволжское правительство Комуча стремилось к ее

возрождению в своей Народной армии, и думавшего прежде всего о том, как огрaдить свою новую, демократическую Сибирскую добровольческую армию от «реакционных» (в первую очередь – монархических) веяний даже на уровне символики. Поэтому офицеры, добровольцы и солдаты белых сибирских войск были вынуждены носить бело-зеленые сибирские «национальные» ленточки, диагонально нашивавшиеся на головные уборы. Эти двуцветные («цвета белых сибирских снегов и зеленой хвои сибирской тайги») ленточки появились в Сибири еще в период «демократизации» и окончательного развала старой Русской армии в конце 1917 года. В некоторых частях сибирских белых войск носили двуцветные бело-зеленые нарукавные повязки. Позднее колчаковский генерал Д.В. Филатьев писал об этом периоде в своих воспоминаниях «Катастрофа белого движения в Сибири 1918-1920. Впечатление очевидца»: «...погоны не были введены, как уступка демократичности. Если вспомнить, с какой ненавистью солдаты относились к офицерским погонам во время революции и как все эксцессы (кровавые самосуды распропагандированной «борцами за народное счастье» солдатской массы над офицерами – В.А.) начинались со срывания погон, то нельзя не признать, что в этом вопросе Гришин (уже упоминавшийся нами выше полковник, а впоследствии – генерал майор А.Н. Гришин-Алмазов – В.А.) поступил благоразумно. Жизнь оправдала его осторожность: впоследствии, при столкновении с большевиками, сибиряки, призывая красных солдат сдаваться, как аргумент кричали им: «Переходи, не бойся, мы такие же беспогонные.»

Судя по воспоминаниям современников описываемых событий, в некоторых белых сибирских частях (как и в германских белых добровольческих корпусах-«фрайкорах», боровшихся в Германии с немецкими большевиками-«спартаковцами» одновременно с Белой борьбой в Сибири), стали появляться какие-то «свои» нарукавные эмблемы. Что же касается военной формы, то белые сибиряки носили либо сохранившееся у них обмундирование разваленной большевиками старой Русской армии – гимнастерки, кителя, френчи, шинели, фуражки (причем некоторые даже в бою носили не защитные полевые, а «цветные» фуражки мирного времени), либо чисто «цивильную» (гражданскую) одежду, иногда сочетая ее с отдельными элементами военной формы. Впрочем, такая ситуация не была специфически сибирской, являясь характерной для всех фронтов и периодов первой русско-советской войны 1917-1922 гг.

В связи с начавшейся реорганизацией мелких подразделений и частей в более крупные соединения встал вопрос о введении в армии новых знаков различия, которые могли бы заменить прежние «старорежимные» погоны. Для разработки проектов была создана специальная комиссия. К середине июня на рассмотрение руководства были представлены первые разработанные образцы – бело-зеленая ленточка для головных уборов и бело-зеленый нарукавный шеврон. 3 июля в газете «Омский вестник» (№113) было опубликовано следующее информационное сообщение о «новой военной кокарде»:

«Командующий войсками приказал временно, вплоть до утверждения военным министром, носить на фуражках как кокарду, четырехугольник из белого и зеленого цветов, в виде двух полос означенных цветов. Устанавливаемая кокарда должна носиться на околыше вкось, применительно к способу ношения подобных отличий чехословацкими войсками (союзники сибирских белых войск – чехословацкие легионеры – носили на головных уборах диагональную бело-красную ленточку своих национальных цветов – В.А.). Размер четырехугольника вертикальный – в ширину всего околыша, горизонтальный – вдвое меньше. Этот знак отличия имеют право носить лишь военнослужащие, состоящие в рядах частей войск, учреждений и заведений Сибирской добровольческой армии Временного Сибирского правительства».

Более подробное описание содержалось в приказе по войскам Восточно-Сибирского военного округа за №2 от 17 июля:

«Отличительным знаком всех воинских чинов устанавливаю: двухцветную ленту (бело-зеленая), на месте кокарды шириною в ½ дюйма (1,25 см – В.А.), длиною в 1 ½ дюйма (3.75 см – В.А.) с перекосом слева вниз направо и зеленым цветом к низу и тех же цветов угол (шеvron – В.А.) на правой руке выше локтя размера шириною 1 дюйм (2,5 см – В.А.), длиной 4 дюйма (10 см – В.А.). Расстояние в отверстии угла 3 дюйма (7,5 см – В.А.).»

24 июля последовал указ по Военному ведомству Временного Сибирского правительства за №110, где объявлялось описание и чертеж нарукавного знака для различия чинов. Этот знак должен был предназначен к ношению на левом рукаве на ½ вершка (2,22 см) выше локтя. В соответствии с описанием, знак, длиной 9-9,4 и шириной 5,55 см (в пересчете с вершков на сантиметры) должен был изготавливаться из цветного приборного сукна. Для различия воинских званий на знаках нашивалась белая и зеленая тесьма (все тех же «сибирских» цветов) шириной 0,55 см, углом вверх. Офицерские чины обозначались также четырехконечными звездочками (чтобы избежать ассоциаций с большевицкой пентаграммой) и, кроме того, на нарукавных знаках капитанов (в кавалерии – ротмистров) нашивался гладкий галун шириной 1/8 вершка с цветным просветом, у штаб-офицеров – шириной 3/8 вершка (1,66 см), с двумя узкими просветами, у генералов – генеральский галун шириной ¼ вершка (1,11 см). В нижней части знака краской, по трафарету, наносился номер части и ее сокращенное название, над которыми в артиллерии и в инженерных войсках помещались еще и специальные знаки, также трафаретные или металлические. Цвета приборного сукна для нарукавных знаков были установлены следующие:

Стрелки – малиновый; кавалерия – синий, артиллерия и инженерные войска – черный (м.б. бархат) с алой выпушкой, судебное ведомство – малиновый, штабы – белый, Генеральный штаб – черный (м.б. бархат) с белой выпушкой, прочие управления и заведения – темно-зеленый. Казакам полагались нашивки «войскового» цвета (в Сибири существовало несколько казачьих войск – Уральское, Сибирское, Забайкальское, Амурское, Уссурийское, Оренбургское – имевших цветовые различия в форме одежды). Но фактически казаки предписанные им нарукавные знаки почти не носили, поскольку, сразу после изгнания большевиков, органы казачьего самоуправления (Казачьи круги) и войсковые казачьи правительства, признавшие верховную власть Временного Сибирского правительства, восстановили свою прежнюю «старорежимную» форму, включая «царские» кокарды и погоны. Для сформированных трех авиационных отрядов расцветка нарукавных знаков не оговаривалась, однако следует предположить, что, по примеру авиации старой Российской армии, чины белой сибирской авиации носили цвета инженерных войск с соответствующей эмблемой («пропеллер с крыльями»).

11 августа приказом по войскам Сибирской армии в ее состав временно включалась Николаевская военная академия. Был утвержден «щиток для числящихся в постоянном составе академии офицеров Генштаба для ношения на левом рукаве... согласно представленного описания». Форма и размеры этого щитка были те же, что и у ранее установленных нарукавных знаков.

27 июля был издан приказ за № 12 о введении нашивки из цветного приборного сукна, шириной ¼ вершка (11 мм) на рубашках (гимнастерках) и шинелях. На рубашке нашивка располагалась по разрезу груди, вдоль наружного края накладки (планки) с подгибом внутрь, а на шинели – по верхнему краю обшлагов, без подгиба. На кителе офицерского образца и френче цветные нашивки размещались на обшлагах, и, кроме того, на клапанах боковых карманов предполагалась нашивка из бело-зеленой «сибирской» тесьмы.

В приказе главного начальника Восточно-Сибирского военного округа от 29 июня за № 77 военным врачам предписывалось носить ту же форму, что и офицерам, а для отличия по роду службы – красный крест из полос шириной 1 и длиной 3 см, наши-

тый на нарукавном знаке. Лекарским помощникам и фармацевтам было предписано ношение красного креста из полос шириной 0,5 см. В приказе имелось и следующее добавление: «...огнестрельное, холодное оружие, равным образом шпоры, считать санитарно-медицинскому персоналу, временно до разрешения Военным министром, не присвоенным».

В Сибирской армии сохранились и некоторые знаки периода 1917 года. Так, приказ по военному ведомству за № 22 от 5 августа гласил: «...ударные части и батальоны смерти... до последних дней своего существования боролись с большевиками, а потому офицерам и солдатам, служившим в этих частях и в настоящее время находящимся в рядах армии Временного Сибирского правительства, разрешаю носить присвоенный ударным частям нарукавный знак (черно-красный шеврон углом вниз на правом рукаве – В.А.), а лицам, имеющим ... нагрудное отличие («ударная» медаль в виде «Адамовой головы», то есть черного черепа с костями, на черно-красной ленте – В.А.), и это последнее».

В приказе по Степному Сибирскому корпусу от 16 августа объявлялась временная инструкция для формирования при стрелковых полках «Дружин военного назначения», набиравшихся из «местных (в боевом районе) добровольцев-патриотов, знакомых с военным делом и выразивших желание содействовать войскам Сибирской армии» в очищении района от большевицких банд. Добровольцы должны были носить свое собственное обмундирование с нашитой на левом рукаве бело-зеленой повязкой с надписью «Дружинник такого-то полка».

Несмотря на постепенное распространение вновь введенных нарукавных знаков различия и других чисто сибирских армейских эмблем, полемика по данному вопросу не сходила со страниц сибирской прессы. Мнения высказывались самые разные – от панегириков новым нарукавным знакам до требования о введении погон. Большинство офицеров выполняло (хотя и неохотно) приказ о ношении нарукавных знаков, надеясь, что вскоре они вновь наденут погоны. 6 сентября командующий Сибирской армией генерал-майор П.П. Иванов-Ринов, сменивший Гришина-Алмазова, издал приказ № 64 по войскам армии, в котором говорилось: «...вплоть до возрождения Всероссийской армии и установления новых отличительных знаков формы одежды, приказываю теперь же восстановить во вверенной мне армии на фронте и в тылу для офицеров, чиновников и солдат упраздненные...» большевицкой властью «...наплечные погоны золотого цвета, петлицы и кокарды. Последние должны обшиваться двуцветной бело-зеленой лентой (что в действительности делалось далеко не всегда – В.А.). С одетыми наплечными погонями ношение нарукавных знаков, установленных приказом по Военному ведомству сего года №10 отменяется». В приказании войскам Сибирской армии за №11 от 10 сентября имелось следующее дополнение: «...когда... не представляется возможным приобрести погоны защитного цвета – разрешается вместо них носить погоны галунные или цвета прибора». 11 сентября войскам Иркутского военного округа последовало приказание за № 72: «...надеть плечевые погоны исключительно защитного цвета».

Однако и после официального введения погон во многих белых сибирских частях (например, в конце сентября – начале октября в Иркутской стрелковой запасной бригаде, в Запасном полку особого назначения, Иркутском казачьем дивизионе) продолжали носить прежние нарукавные знаки-эмблемы и ленточки на головных уборах. Последнее объяснялось как запаздыванием приказов, так и элементарным отсутствием средств и материалов для изготовления новых «уставных» погон и кокард. В отдельных фронтовых частях Сибирской армии нарукавные знаки продолжали носить до января 1919 года и позже. Бело-зеленые ленточки на головном уборе в некоторых военных формированиях Белой Сибири сохранились вплоть до Великого Сибирского (Ледяного) похода начала 1920 года.

Согласно приказу по военному ведомству за № 161 от 20 апреля 1919 года Верховный Правитель и Главнокомандующий адмирал А.В. Колчак повелел присвоить вновь формируемым 8-й, 11-й, 12-й, 13-й и 14-й Сибирским стрелковым дивизиям походную форму одежды общearмейского образца со следующими отличиями:

Солдаты: погоны шириной 6,5 см из зеленого сукна с белым кантом («сибирских» цветов – В.А.) и шифровкой части: у стрелков, егерей и в штабах – белой, в артиллерии – красной, в инженерных и технических частях – желтой, с соответствующими родам войск спецзнаками, помещавшимися над шифровкой. Унтер-офицеры имели на погонах нашивки из темно-желтой тесьмы шириной 7,5 мм, а фельдфебели – из золотого галуна. Кроме того, обшлага у унтер-офицеров т фельдфебелей обшивались темно-желтой тесьмой шириной 1 см. Фуражки защитного цвета.

Офицеры: погоны такого же образца, но с 5-миллиметровым серебряным галуном, нашитым у генералов зигзагообразно, а у штаб- и обер-офицеров – вдоль погона в соответствии с просветами. Звездочки (пятиконечные⁶ – В.А.) золоченые. Шифровка и спецзнаки накладные из белого металла, в артиллерии – из желтого. Петлицы на шинелях: в стрелковых частях – темно-зеленые с белыми кантами («сибирских» цветов – В.А.), у егерей – такие же, без кантов; в артиллерии, инженерных и технических частях – черные бархатные с красными кантами; в штабах – красные с белыми кантами. У генералов и штаб-офицеров на петлицах нашивались пуговицы (серебряные во всех частях, кроме артиллерии; в артиллерии пуговицы были золочеными). Обшлага обшивались темно-зеленой тесьмой с белыми краями: у генералов шириной в 2,5 см; у штаб-офицеров – в два ряда шириной 2 см; у обер-офицеров – в один ряд, такой же ширины. Околыш с кантами на защитной фуражке соответствовал расцветке петлиц.

По свидетельству подполковника Ф.Ф. Мейбома, все офицеры 49-го Сибирского стрелкового полка «были одеты в английские мундиры с русскими погонами и орденами, но выглядели браво – оказывается, по распоряжению командира полка все офицеры должны иметь одну и ту же форму, т.е. английскую, которую пригоняет (по фигуре – В.А.) специальный портной». В 1-м батальоне, которым командовал Мейбом, были «все в английском обмундировании с зелеными погонами с белым кантом». Личный состав 49-го полка носил английские же ботинки и шинели цвета хаки.

Полки 13-й Сибирской стрелковой дивизии, в том числе и 49-й Сибирский стрелковый полк, шли в бой со своими полковыми знаменами, выданными им еще до омского парада перед Верховным правителем России. Так, например, в бою под деревней Ушланкой 49-й полк, по воспоминаниям Ф.Ф. Мейбома, атаковал красных, почти как в советском фильме братьев Васильевых «Чапаев» – **«с развернутым полковым знаменем, с оркестром впереди полка»** (курсив наш – В.А.)!

Какую обувь носили каппелевцы

В начале Великой войны солдаты Русской армии были обуты в высокие сапоги черного цвета из юфтевой (яловой) кожи, с высокими голенищами, имевшими большое количество складок. У пехотинцев голенища сапог были более низкими, чем у кавалеристов, и имели ровный (прямой) обрез.

У кавалеристов голенища сапог были выше, чем у пехотинцев, и имели так называемый козырек, доходивший спереди до колена. Кроме того, на кавалерийских сапогах каблуки были меньше по площади, чем у пехотинцев (чтобы можно было надеть шпоры, поскольку широкий каблук «пехотного образца» потребовал бы удлинения вилки шпор).

⁶ Опять пентаграммы!

Казачьи носили сапоги не кавалерийского, а пехотного образца, поскольку козырек был неудобен для заправки в сапоги казачьих шаровар, а также и потому, что казаки (за исключением чинов казачьих гвардейских полков – Лейб-Гвардии Сводного и Лейб-Гвардии Атаманского) шпор не носили (так как при посадке в казачьем седле шпоры были бесполезны).

В 1915-1916 гг. в армию были призваны многочисленные контингенты запасных и новобранцев, вследствие чего сделалась ощутимой нехватка обмундирования и, в частности, сапог. Поэтому в пехоте появились не использовавшиеся ранее солдатские ботинки и обмотки (бинты). Русские солдатские ботинки, изготовленные из грубой черной кожи, были цельными, без пришивного носка. Фасон ботиночной колодки соответствовал фасону колодки солдатских сапог. Вместо шнурков ботинки завязывались ремешками сыромятной кожи. Обмотки изготавливались из плотной хлопчатобумажной ткани защитного или серого цвета. Они пропускались сквозь катанное ушко на заднем шве ботинок, навивались вокруг ноги почти до колена и завязывались двумя тесемками на конце обмотки. Кроме солдат-запасников и вновь призванных новобранцев, ботинки носили также и некоторые кадровые солдаты, причем нередко поверх ботинок надевались, вместо обмоток, голенища от старых сапог. В 1917 году в Русской армии появились английские коричневые ботинки и английские же шерстяные обмотки горчичного цвета (хаки), нашедшие широкое применение как в белой, так и в красной пехоте в годы русско-советской гражданской войны.

Основным видом обуви русских офицеров являлись высокие шевровые или хромовые сапоги черного цвета, имевшие три разных фасона, как по колодке, так и по форме голенища. Сапоги первого фасона были узкие, второго – круглые, третьего – так называемые «бульдоги» (с возвышением на носке), появившиеся в годы Великой войны. Голенища офицерских сапог были на мягкой, обычно замшевой, подкладке, и твердом футере, то есть, с прокладкой из жесткой кожи, идущей от верха голенища до гармошки. Верх голенища офицерского сапога был прямым, либо с козырьком. Голенища были очень узкие – между ногой и голенищем невозможно было просунуть палец, поэтому надевание и снятие офицерских сапог представляло собой весьма длительный и даже мучительный процесс. Надевались сапоги при помощи специальных крючков, зацепляемых за ушко сапог. Внутри сапога насыпали тальк или канифоль. Самостоятельно снять сапоги офицер обычно не мог. Приходилось прибегать к помощи денщика и специального приспособления в виде дощечки с вырезом для каблука. При помощи дощечки нога выходила из головки сапога, но застревала в подъеме голенища. Денщик становился спиной к офицеру и тянул сапог, а офицер другой ногой упирался в спину денщика – и постепенно сапог снимался.

Сапоги являлись предметом особой заботы и щегольства офицеров. В мирное время для участия в парадах офицеры заказывали специальные сапоги с голенищами, зашивавшимися на ноге. Снять такие сапоги было невозможно, и потому голенища распарывались на ноге после парада. В отличие от современных, офицерские сапоги описываемого периода имели голенища, сшитые по икре, поэтому правое и левое голенище имели разную форму (для этого делались специальные колодки для голенищ – на правую и на левую ногу). Во фронтовых условиях офицерские сапоги оказались, естественно, крайне неудобными. Сапоги на твердом футере вообще перестали носить, а голенища сапог на мягкой подкладке стали делать с застежкой на два ремешка (сзади или сбоку) или на шнуровке. Такие сапоги хорошо сидели на ноге, их можно было легко надеть и снять. Офицерские сапоги имели небольшие по площади, довольно высокие, скошенные сзади каблуки. Скошенная форма каблука давала возможность шпоре «падать» с каблука, что считалось в офицерской среде особым шиком. При высоких сапогах шпоры носились только на ремешках.

При брюках навыпуск офицеры носили черные штиблеты на резинке. Во время Великой войны они, однако, почти вышли из употребления (за исключением тыла). Носили их преимущественно военные врачи и чиновники. Штиблеты имели цельную

головку, без пришивного носка. На штиблетах носили так называемые винтовые, или накаблучные, шпоры. Они прикреплялись к задку каблука при помощи специального остря, находившегося внутри вилки шпоры, а концы вилки привинчивались к бокам каблука. Шпоры на ремешке со штиблетами не носили.

В 1916-1917 гг. вошли в употребление и нашли широкое распространение ботинки с крагами. Первоначально в Русской армии их носили офицеры авиационных и автомобильных частей. Но со временем начали носить также штабные и пехотные офицеры, чиновники разного рода военизированных учреждений, а также гражданские лица, носившие бриджи (военные корреспонденты и т.п.). В крагах ходил, например, глава Временного правительства России А.Ф. Керенский, любивший носить своеобразную, защитного цвета, полувоенную форму собственного изобретения. Ботинки с крагами были на шнуровке, нередко с носком фасона «бульдог». Краги представляли собой как бы точный слепок икры. Делались краги из толстой кожи или из хрома, застегивались при помощи вшитых в кожу специальных железных пластинок и, кроме того, затягивались наверху ремешками на пряжке. Существовал еще один тип краг, поверх которых обвивался ремень, стягивавший крагу на ноге. В 1917 году в русской армии появились краги коричневого цвета (их носили с коричневыми ботинками). Шпоры при ботинках с крагами не носили.

В то же время появились высокие кожаные ботинки на шнуровке, черного или коричневого цвета, нашедшие, однако, не столь широкое распространение, как краги. Высокие шнурованные ботинки носили, главным образом, офицеры авиации, автомобильных и мотоциклетных частей. Носы этих ботинок были пришивные, чаще всего фасона «бульдог». Некоторые ботинки имели по верху голенища пришитый кожаный манжет, застегивавшийся на два ремешка с пряжками, предназначенные для того, чтобы закрывать завязки шнурков. С высокими ботинками шпор не носили.

Зимой на фронте русские офицеры носили теплую обувь – чаще всего фетровые валенки кофейного или белого цвета, с обшитыми коричневой кожей носками и задниками, но также и цельные, подшитые, валенки из войлока. Цельные войлочные валенки обычно обшивались по шву кожаным узким ремешком. Носили также «бурки» – теплые, кавказского происхождения, сапоги, сшитые из черного войлока с начесом (из такого войлока делались собственно бурки – кавказские войлочные накидки без рукавов – название которых перешло на изготовленные из такого же войлока обувь). Головки бурок обшивались поверх войлока черной мягкой кожей. Валенки, бурки, а также вошедшие в употребление в ходе военных действий в Белой Сибири местные виды теплой зимней обуви – улы, пимы, ичиги и унты – носили обычно с бекешей, реже – с шинелью. Сохранились воспоминания очевидцев о том, что В.О. Каппель отморозил себе ноги, шагая по снегу в мокрых ичигах (он спешил, чтобы ободрить своих солдат, идя с ними пешком в одном строю).

Сибирь ведь тоже русская земля...

Если положение Комуча напрямую зависело от военных успехов Народной армии на фронте, то в относительно спокойной Сибири устойчивость белой власти в гораздо большей степени зависела от политической стабильности тыла. Решающее значение для победы над большевиками приобретал принцип твердой государственной власти: «Во имя конечной победы демократии можно временно поступиться демократическими нормами».

8 сентября 1918 года вошло в историю антибольшевицкого Соппротивления в качестве последней попытки организовать «демократическую власть» во всероссийском масштабе, попытки возродить разогнанное большевиками Учредительное Собрание, наделив его правами высшей власти в России. В этот день в Уфе начало работу «Государственное Совещание». В нем участвовало в общей сложности более 200 де-

легатов. Председателем «Государственного Совещания» стал правый эсер Н.Д. Авксентьев.

Одновременно было заявлено о возобновлении работы старого Учредительного Собрания не ранее 1 января 1919 года при кворуме 250 человек.

Состав избранной Уфимской Директории был призван продемонстрировать единство армии, политики и различных регионов России в борьбе с большевизмом. Но в состав Директории в действительности входили лишь противобольшевицкие силы Востока России. Уже в силу данной причины она оказалась не в состоянии претендовать на выражение общероссийских интересов.

Тем временем положение на фронте отнюдь не улучшалось. В сентябре – начале октября окончательно развалился Волжский фронт. Остатки поволжской Народной армии с боями отходили на Бугульму (каппелевцы) и Бугуруслан (чехословаки) по линии Самаро-Златоустовской железной дороги. Весь октябрь прошел в кровопролитных арьергардных боях с наседавшими красными. Сопrotивление чехословацких частей становилось все более слабым. Связь с уральскими и оренбургскими «белоказаками» (по терминологии большевицких фукидидов) была нарушена, красные взяли Уральск и Оренбург, и теперь белым приходилось сражаться на два фронта – против красных войск, наступавших с Волги и из Туркестана. Создалась реальная угроза захвата большевиками Уфы, и Директория была вынуждена 9 октября эвакуироваться в Омск. Когда же 11 ноября 1918 года в Сибирь пришли известия о прекращении Великой войны между Центральными державами и Антантой, удержать чехословаков на фронте оказалось долее невозможным, и легионеров отправили в тыл, на охрану Транссибирской железной дороги. Отныне антибольшевицкому Сопrotивлению на Востоке России приходилось рассчитывать только на собственные силы.

Эвакуировавшись в Омск, Директория оказалась в плотном политическом окружении сибирских «областников». Принципиально важным становилось решение об образовании, взамен Директории, «Всероссийского Совета министров». По этому вопросу снова развернулись жаркие политические дебаты. Кандидатура каждого кандидата на министерскую должность подвергалась наитщательнейшему обсуждению. Эсеры, как обычно опасались «крена вправо», в то время как их политические противники не менее внимательно следили за тем, чтобы партийный состав правительства не «сдвинулся влево». Утвержденный Директорией Совет министров (всего 14 министров) возглавил П.В. Вологодский (единственный член Директории, вошедший в состав нового исполнительного органа общероссийской власти). Военным и морским министром стал будущий Верховный Правитель России адмирал А.В. Колчак (оказавшись в Омске проездом с Дальнего Востока на Юг России, где он собирался возглавить белый Черноморский флот, Колчак, по личному настоянию генерала Болдырева и Авксентьева, остался в Сибири).

Особой Грамотой от 6 ноября 1918 года Директория ликвидировала все областные правительства и органы вышней представительной власти. Отныне на смену «областничеству» вновь приходила Всероссийская власть. А через две недели бывший Командующий Черноморским флотом, знаменитый исследователь Арктики, вице-адмирал Александр Васильевич Колчак стал Верховным Правителем России, олицетворением Белой Идеи, подлинным рыцарем Белой Борьбы и Белой России.

Образование антибольшевицкого Восточного фронта, создание Временного Всероссийского правительства и воссоздание Российской армии сделали необходимыми его имя и популярность именно здесь. В ночь на 18 ноября в Омске произошел военный переворот, в одночасье вознесший Колчака на вершину всероссийской власти. Всероссийский Совет министров настоял на его провозглашении Верховным Правителем России и Верховным Главнокомандующим ее вооруженных сил. Одновременно А.В. Колчак был произведен в полные адмиралы.

3 января 1919 года приказом Верховного правителя и Верховного Главнокомандующего адмирала А.В. Колчака за №94 был образован 1-й Волжский армейский корпус. Состав корпуса вошли три отдельные стрелковые бригады двухполкового состава каждая (1-я отдельная стрелковая Самарская – из Особой Самарской бригады, 2-я отдельная стрелковая Казанская – из 7-й стрелковой Казанской, и 3-я отдельная стрелковая Симбирская – из частей 6-й стрелковой Симбирской дивизии). Командующим Волжским армейским корпусом, вошедшим в состав Западной армии, был назначен генерал-майор В.О. Каппель. В начале февраля остатки войск Комуча, переименованные в корпус, были отведены на переформирование в район Челябинска и Кургана. После реорганизации и пополнения за счет военнопленных красноармейцев, добровольно изъявивших желание искупить свою вину перед Отечеством, сражаясь на стороне белых, к маю стрелковые бригады были развернуты в 1-ю Самарскую, 3-ю Симбирскую и 13-ю Казанскую стрелковые дивизии, а кавалерия – в Отдельную Волжскую кавалерийскую бригаду. Все эти формирования по-прежнему входили в состав 1-го Волжского армейского корпуса. Корпус Каппеля отличался особой стойкостью в боях с красными (как известно, остатки «каппелевских» частей и соединений дрались с большевиками в Приморье вплоть до ноября 1922 года).

Весь февраль 1919 года в Сибири стояли сильнейшие морозы. Боевые действия замерли на линии Пермь-Уфа-Оренбург-Уральск.

Удерживая наличными силами горные проходы через Урал, адмирал Колчак спешно начал формировать новые части. Остатки поволжской Народной армии были отведены в тыл на переформирование. На севере фронт держала наиболее подготовленная и многочисленная Сибирская армия под командованием произведенного в генералы офицера Чехословацкого легиона, Георгиевского кавалера Радолы Гайды (Рудольфа Гейделя). Именно Сибирской армии Гайды предстояло нанести главный удар по красным (от Перми на Вятку-Котлас) для соединения с войсками белого Архангельского фронта. Одновременно с наступлением Сибирской армии в северном направлении планировалось нанесение удара в направлении на Волгу силами Западной армии под командованием генерала М.В. Ханжина. В ходе предстоящего военного наступления белым армиям адмирала Колчака предстояло не только восстановить позиции, утраченные осенью 1918 года, но и прорвать большевицкий фронт по направлению к Москве.

Не дожидаясь весенней распутицы, неизбежно замедлившей бы ход наступления, Сибирская армия Гайды перешла в наступление 4 марта. Уже 7 марта действовавший в ее составе 1-й Средне-Сибирский корпус под командованием генерала Пепеляева штурмом взял Оханск. 8 марта 3-й Степной Сибирский корпус начал продвижение на Глазов. 6 марта перешла в наступление и Западная армия генерала Ханжина. 10 марта 2-й Уфимский корпус под командованием генерала Войцеховского выбил большевиков из Бирска. 14 марта 3-й Уральский корпус горных стрелков под командованием генерала Р.К. Бангерского⁷ освободил Уфу от красных. Апрель 1919 года поистине стал периодом самых блестящих побед Российской армии в русско-советской гражданской войне. Стремительно развивая достигнутый успех, Российской армии удалось отбросить красных за Каму и Волгу. В начале апреля Западная армия генерала Ханжина овладела Бугульмой, Белебеем и Мензелинском. Сибирская армия генерала Гайды освободила от красных Воткинск и Сарапул. Белым казачьим армиям удалось прочно блокировать Оренбург и Уральск. 12 апреля 1919 года адмирал Колчак принял решение о начале общего наступления. По этому плану Сибирской армии Гайды надлежало выйти к Казани и далее на Вятку и Вологду, на соединение с Северной Добровольческой армией генерала Е.К. Миллера. Западной армии Ханжина предстояло выйти к Симбирску и Сызрани, а затем, развивая успех, про-

⁷ Будущего организатора латышских добровольческих частей Ваффен СС в годы Второй мировой войны.

рваться на соединение с Вооруженными Силами Юга России (ВСЮР) генерала А.И. Деникина.

С нами Бог, с нами Бог!
Красных давим мы, как блох!

Во исполнение директивы Верховного Правителя России, Российская армия начала успешное наступление на Волгу. 13 апреля Сибирская армия Гайды освободила от красных Ижевск, а Западная армия Ханжина 15 апреля овладела Бугурусланом. Оренбургская армия полностью окружила красный гарнизон в Оренбурге. К концу апреля 1919 года армии Верховного Правителя России вышли на подступы к Казани, Самаре и Симбирску, освободив от большевиков громадную территорию с важными промышленными и хозяйственными ресурсами и населением свыше пяти миллионов человек. Перед ней открывалась дорога на Москву.

Однако в мае белое наступление начало выдыхаться. В тылу стали вспыхивать подготовленные тщательно законспирированным большевизмом подпольем крестьянские бунты. Под Оренбургом части Российской армии потерпели первое поражение. Красные сосредоточили на Восточном фронте мощную группировку войск, перебросив на Восток почти все свои резервы. Вскоре, после ожесточенных боев, белым пришлось вновь оставить Уфу. В июне белым не удалось удержаться на рубежах Уральского хребта. В июле красные прорвались на просторы Сибири. Тяжелейшие бои под Челябинском и Златоустом показали, что большевики готовы, не жалея сил, не допустить прорыва белых армий к Волге.

И все-таки, несмотря на неудачи весеннего наступления, белая армия адмирала Колчака, оставалась все еще вполне боеспособной и страшной врагам. Теперь в ее задачи входило, по сути, оказание поддержки и содействия Вооруженным Силам Юга России генерала Деникина в наступлении последних на Москву путем отвлечения на себя частей Красной армии. В августе 1919 года развернулось сражение на реке Тобол, в котором красным было нанесено тяжелое поражение. В сентябре бои развернулись с новой силой. Было поголовно мобилизовано все сибирское казачество. Спешно формировались добровольческие части из чиновников, студентов и гимназистов, дружины Святого Креста (из православных христиан) и Зеленого Знамени (из русских патриотов мусульманского вероисповедания). Однако, несмотря на все эти поистине титанические усилия, фронт в середине октября вновь неудержимо покатился на восток. 1 ноября 1919 года была эвакуирована столица Белой Сибири – город Омск. Адмирал Колчак одним из последних покинул обреченный город. Вместе с Верховным Правителем России следовал особый эшелон, в котором хранился золотой запас Российской империи. Новой столицей был назначен Иркутск. Катастрофа надвигалась неотвратимо.

Падение Омска ознаменовало собой начало знаменитого в истории русско-советской гражданской войны на Востоке России тысячеверстного «Великого Сибирского (Ледяного) похода».

Отходившие под натиском красных армии адмирала Колчака разделились на три группы – Южную, Среднюю и Северную.

Южная группа устремилась по тракту Барнаул-Кузнецк-Минусинск.

Средняя группа двигалась вдоль Транссибирской магистрали.

Северная группа отступала вдоль рек севернее Транссиба.

После того, как 29 ноября пришлось оставить Новониколаевск, Главнокомандующим был назначен генерал В.О. Каппель. Верховный Правитель России адмирал Колчак принял план нового Главнокомандующего Каппеля об отводе белых войск за реку Енисей.

22 декабря 1919 года красные взяли Томск и разгромили 1-ю армию генерала Пепеляева. В тылу белых красные повстанцы-партизаны овладели Кузнецком. 24 декабря 1919 года части 5-й Красной армии захватили станцию Тайга. Стремясь избежать окружения, генерал Каппель начал отводить свои части к Красноярску. Но 4 января 1920 года в Красноярске подняли мятеж распропагандированные большевиками и эсерами рабочие и солдаты 1-го Сибирского корпуса под командованием генерала-предателя Зиневича. Завязались упорные бои каппелевцев с мятежниками на подступах к городу. В этот тяжелейший момент, когда остатки белых армий оказались фактически в окружении, генерал Каппель разрешил колеблющимся из числа своих солдат сдаться красным, чтобы «налегке», избавившись от этого ненадежного балласта, таившего в себе постоянный потенциал угрозы, продолжать отступление на Восток с верными бойцами и их семьями, спасавшимися от большевицкого террора.

7 января 1920 года колонны войск Каппеля начали переправу через Енисей. Способными к продолжению вооруженной борьбы оказались всего 30 000 бойцов из почти трехсотпятидесятитысячной группировки. Конечной целью Каппеля было вывести своих бойцов в Забайкалье, на соединение с частями атамана Г.М. Семенова. Для этого им предстояло пешим порядком, в лютый мороз, преодолеть тысячеверстный путь по Старому Сибирскому Тракту.

Ценой поистине невероятных усилий каппелевцам удалось оторваться от преследовавших их красных частей, и белые колонны двинулись через зимнюю тайгу на восток, «встречь Солнцу». В это время в глубоком тылу Колчака, на станции Черемхово, а затем и в предместье Иркутска – Глазкове – вспыхнули восстания, подготовленные большевицко-меньшевицко-эсеровской агентурой. После кровопролитных боев с мятежниками белые отступили на Байкал. 4 января 1920 года власть в Иркутске перешла к эсерово-меньшевицкому Политическому центру (Политцентру), широко вещательно объявившему о низложении «антинародной» власти адмирала Колчака на всей территории Сибири. В ночь на 13 января 1920 года конвой Верховного Правителя России и охрана поезда с золотым запасом России были разоружены под давлением чехословаков, при полном «нейтралитете» миссии Антанты во главе с французским генералом Жаненом.

Как писал ветеран Белой борьбы в Сибири, русский поэт Арсений Несмелов, проделавший весь тысячеверстный поход в рядах каппелевцев:

Умчали чехи Адмирала
В Иркутск – на пытки и расстрел...

15 января 1920 года арестованный Колчак был доставлен в Иркутск.

Между тем, группа Каппеля упорно шла вперед, как пыль, сметая красные заслоны, встававшие у нее на пути. 22 января 1920 года Каппель собрал в Нижнеудинске совещание, на котором было принято решение ускорить движение к Иркутску двумя колоннами, взять город с ходу, освободить Верховного Правителя России и вернуть золотой запас. После освобождения Колчака генерал Каппель предполагал установить прочную связь с атаманом Семеновым и создать новый фронт против большевиков. Во время совещания Каппель был уже так тяжело болен, что несколько раз, по воспоминаниям участников совещания, терял сознание, но совещание все-таки довел до конца.

Владимир Оскарович Каппель вел свои войска на восток, не взирая на лютые морозы и глубокие снега, не щадя ни себя, ни людей. 25 января он умер, передав перед смертью командование своему верному соратнику, генералу С.Н. Войцеховскому. Части каппелевцев под командованием генерала Войцеховского продолжали наступление на Иркутск вдоль Транссибирской железной дороги, везя гроб с телом Каппеля с собой. 1 февраля 1920 года войска генерала Войцеховского стали готовиться к штурму Иркутска. Каппелевцы подошли вплотную к Иркутску, на подступах к которому 5-6 февраля завязались жестокие бои.

Опасаясь освобождения Колчака каппелевцами, большевицкий Военно-Революционный комитет (ВРК), сменивший у власти выполнивший для него предварительно всю «грязную работу» эсеро-меньшевицкий Политцентр, принял постановление о расстреле Верховного Правителя России. 7 февраля в 5 часов утра приговор был приведен в исполнение на берегу Ангары. Тело адмирала Колчака было спущено красными убийцами под лед. Узнав о расстреле Колчака, генерал Войцеховский, после ожесточенных и кровопролитных боев, прекратил штурм Иркутска и, обойдя город, устремился на Читу. В его обозе на Читу продвигался и гроб с телом Каппеля.

В начале марта 1920 года каппелевцы, сумевшие уйти за Байкал, дошли до Читы, где и объявили о своем подчинении атаману Семенову, которого адмирал Колчак назначил в свое время Главнокомандующим в Восточной Сибири. Там каппелевцы воевали с красными до конца 1921 года в составе сформированной новой дальневосточной армии, в рядах которой был сформирован **Ударный имени генерала Каппеля полк** с шифровкой в виде наложенных дуг на друга золотых (у офицеров) и нанесенных по трафарету белой краской (у унтер-офицеров и солдат) заглавных букв ВК (Владимир Каппель) на малиновых, с белым кантом, стрелковых погонах и **бронепоезд «Генерал Каппель»**, которому посвятил одно из своих лучших, преисполненных глубочайшего трагизма, стихотворений Певец во Стане Белых Воинов Арсений Несмелов (см. Приложение).

Но и после ликвидации большевиками так называемой «читинской пробки» каппелевцы продолжали борьбу с красными в Приморье до октября 1922 года, покрыв себя неуязвимой славой и в **«штурмовые ночи Спасска»**, и в **«волочаевские дни»**. Летом 1922 года во Владивостоке был созван Приамурский Земский Собор, провозгласивший восстановление в России монархии и избравший Верховным Правителем России дядю свергнутого **«февралистами»** и злодейски убитого большевиками изуверами в Екатеринбургe последнего Российского Императора Николая Александровича – Великого князя Николая Николаевича, бывшего Главнокомандующего Русской Императорской армией в годы Великой войны. Диктатором Приморья и Верховным Главнокомандующим (Воеводой) его вооруженных сил (Земской Рати) был назначен опытный боевой генерал М.К. Дитерихс, бывший начальник штаба Отдельного Чехословацкого корпуса, военный министр в правительстве адмирала Колчака и Командующий Восточным фронтом, под чьим руководством следователь Соколов смог провести расследование убийства Царской Семьи и членов Дома Романовых большевиками на Урале. Знамя Воеводы Земской Рати было украшено с одной стороны черным коронованным двуглавым орлом Российской империи под вышитой золотом надписью **«За Русь Святую»**, а с другой – ликом Спаса Нерукотворного под вышитой золотом надписью **«С нами Бог»**... Как радовался бы стойкий монархист Владимир Оскарович Каппель, доживи он до этого дня! Но увы... Бог не дал ему этой последней радости...

За Россию – против Интернационала

Пока же, после заключения большевиками, узурпировавшими власть над Россией в результате октябрьского переворота 1917 года, позорного и грабительского по отношению к России **«похабно»** Брестского мира 1918 года, боевой офицер Владимир Каппель оставил фронт и уехал в тыл.

По заключенному 3 марта 1918 года позорному, крайне унижительному для национальной гордости великороссов Брестскому миру Россия лишилась Финляндии, Польши, Литвы, Латвии, Эстонии, Украины, Крыма, Закавказья, Карса и Батума, армии и флота. Оккупированные германцами области России и Белоруссии оставались у немцев до конца Великой войны и выполнения Советами всех условий Брестского мира. На Россию была наложена контрибуция в 6 миллиардов имперских марок золотом. Сверх того, большевики обязались уплатить своим немецким хозяевам компен-

сацию в 500 миллионов золотых рублей «за убытки, понесенные немцами в ходе революции в России». После вывода остатков деморализованных русских войск и красногвардейских банд с уступленных большевиками Германии бывших российских территорий туда сразу же были направлены германские части. 5 марта, через два дня после подписания позорного Брестского мира, 23 германских батальона во главе с генералом графом Рюдигером фон дер Гольцем высадились на мысе Ханко (Гангут) и помогли финским белогвардейцам бывшего царского генерала Маннергейма разгромить местную «власть советов», сидевшую на штыках финской «Красной гвардии» и части русских большевиков, после Бреста бросивших своих финских «братьев по классу» на произвол судьбы. В целях окончательного закрепления германского протектората над Финляндией, последняя была объявлена вассальной по отношению к Германской империи монархией с кузеном германского кайзера Вильгельма II Гогенцоллерна, принцем Фридрихом-Карлом Гессенским, в качестве короля. Правда, до коронации дело не дошло – по мере ослабления мощи Германии, неизбежность поражения которой в мировой войне становилось все более очевидной, Финляндия переориентировалась на Антанту. Но пока что до этой «смены ориентиров» было еще далеко. Как писал в своих мемуарах германский фельдмаршал Пауль фон Гинденбург унд Бенкендорф: «Кроме того, мы надеялись привлечением Финляндии на нашу сторону затруднить военное влияние Антанты со стороны Архангельского и Мурманского побережья... В то же время мы угрожали этим Петрограду, что было всегда очень важно, потому что большевистская Россия должна была сделать новую попытку нападения на наш восточный фронт». Интересно, почему Гинденбург был так уверен, что Советская Россия непременно должна будет напасть на немцев? Может быть, ему было известно о тайных переговорах большевиков с Антантой? Ведь военные десанты Антанты в Архангельске и Мурманске, о которых Гинденбург вел речь выше, были высажены там с согласия большевистских Советов рабочих и солдатских депутатов! Таким образом, не остается камня на камне от широко распространенного мифа большевистской пропаганды – об «интервенции» Антанты на Севере России, как якобы направленной на свержение там советской власти, а не на охрану складов с антантовским военным имуществом и портов на случай германского нападения (как это было в действительности!).

На Украину (объявившую себя отдельным государством и заключившую с Центральными державами отдельный мирный договор) вошли войска германского генерал-фельдмаршала фон Эйхгорна для обеспечения вывоза оттуда в Германию, по условиям Брестского мира, 600 миллионов пудов зерна (1 пуд равнялся 16,38 кг), 2,75 миллионов пудов мяса, да вдобавок ежемесячно 37,5 миллионов пудов железной руды и многого другого. В Грузию вступил германский экспедиционный корпус Кресса фон Крессенштейна – для охраны грузинской нефти и руды, которые отныне должны были удовлетворять потребности Германской империи. Оседланная большевиками Россия попала в полную экономическую зависимость от Германии, превратившись в сырьевой придаток и базу снабжения Центральных держав, обеспечив им возможность продолжать войну против Антанты, то есть «продолжать лить кровь пролетариев, одетых в солдатские шинели, во имя обогащения кучки империалистов».

А что же Каппель? В Самаре этот удостоенный высоких боевых наград недавний фронтовой офицер Русской Императорской армии, никогда не скрывавший своих монархических убеждений, казалось бы, совершенно неожиданно для человека такого воспитания и таких взглядов... поступил на службу в Красную армию. Думается, в данном нетипичном (и наверняка совсем не простом) для Каппеля решении сыграл свою роль тот момент времени, в который оно было принято этим пламенным русским патриотом. Дело было весной 1918 года. Каппель, вероятно, как и многие другие, рассчитывал, что военные действия против все еще почитавшихся им тогда за главных врагов России немцев (в конце концов, именно немцы, желая любой ценой вывести Россию из войны, взяв с нее огромную контрибуцию, и тем самым укрепить свои позиции на Западном фронте, против держав Антанты, в «пломбированном вагоне» послали к нам ленинскую шайку!). Как говорил поэт, «надежды юношей пита-

ют...». К описываемому времени Владимир Оскарович Каппель был отнюдь не юношей, но все же, видимо, еще не привык к совершенно новому уровню человеческой подлости, привнесенного в российскую действительность трудами достойных представителей славной ленинской когорты «пламенных интернационалистов» – большевицкой «партии национальной измены». Не верил, видимо, что у людей, родившихся и выросших в России, евших русский хлеб и русское сало, пивших русскую воду, ходивших в русские школы, окончивших русские гимназии и университеты, полностью атрофировались не только последние остатки русского национального чувства (у кого оно было), но и элементарного чувства преданности – да что там преданности! – хотя бы благодарности вскормившей и вспоившей (или хотя бы приютившей) их стране. Но, очень скоро убедившись в неизменности «генеральной линии» большевицкой партии на мир и сотрудничество со вчерашним смертельным врагом – Германией, в боях с которой четыре тяжких года истекали кровью на полях Отечественной войны миллионы лучших сынов Российской Державы, увидев воочию, какую невиданно жестокую политику проводят большевицкие сатрапы в отношении буквально всех слоев российского народа – дворянства и купечества (бессудные расстрелы, «грабеж награбленного» и заключение в концентрационные лагеря, первые из которых Ленин и Троцкий распорядились организовать «по свежим следам», уже в начале 1918 года), интеллигенции (бессудные расстрелы, мобилизация на принудительные работы и заключение в концентрационные лагеря), духовенства (расстрелы, а чаще изуверские убийства, кощунства, осквернение церквей, мобилизация на принудительные работы, заключение в концентрационные лагеря), и даже, якобы, союзников большевиков (именовавших свой режим «диктатурой пролетариата») – «пролетариев»-рабочих (запрет забастовок, бессудные расстрелы, заключение в концлагеря), но, в первую очередь – составлявшего большинство населения России крестьянства (продразверстка, обрекавшая на голодную смерть хлеборобов и их семьи, бессудные расстрелы, заключение в концлагеря), Каппель принял твердое решение примкнуть к силам, поднявшим оружие против большевиков. Тут как раз восстали чехословацкие легионеры. Освобожденные ими от красных железнодорожные станции и города, расположенные вдоль Транссибирской магистрали, стали центрами кристаллизации русского белого антибольшевицкого Сопротивления.

Здесь представляется уместным сказать несколько слов о Чехословацком корпусе и о входивших в его состав чехословацких легионерах – «голубых чехах», по выражению советского поэта Владимира Маяковского.

«Голубые чехи»

Отдельный Чехословацкий корпус был сформирован еще в года Великой Отечественной войны 1914-1918 гг. командованием Русской Императорской армии из числа чехов и словаков, представителей славянских народов, призванных в свое время в армию лоскутной, многонациональной Австро-Венгерской империи (именовавшейся также Дунайской, или Двуетиной, монархией), в состав которой входили их земли (Чехия и Моравия – в состав Австрии, или Цислейтании, Словакия – в состав Венгрии, или Транслейтании). Ни чехи, ни словаки, в большинстве своем, особой привязанности к «швабско-мадьярской» монархии Габсбургов, олицетворением которой на протяжении многих десятилетий служил **«старец-монарх»** Франц-Иосиф I (Император Австрии и **«апостолический король»** Венгрии), не испытывали, кровь за нее проливать не собирались и при первом же удобном случае так и норовили перебежать на нашу сторону или сдаться в плен. Характерным представляется и то обстоятельство, что подобное поведение ни в коей мере не диктовалось отсутствием у чехов или словаков природной храбрости – оно было типично для них только на Русском (Восточном) фронте, в то время, как, к примеру, против итальянцев чехи и словаки в австрийских мундирах сражались не менее стойко, чем подданные короны Габсбургов из числа других народов, и в плен им сдаваться не спешили. Слишком

велико было в сердцах всех славян обаяние Великой России, как верной союзницы славянства, питавшееся в умах национально мыслящих представителей чешской и словацкой интеллигенции (остававшихся таковыми и в австрийских мундирах) надеждами на основание (а у чехов – воссоздание) собственного национального государства, добиться которого можно было лишь в совместной с русскими **«братьями-славянами»** борьбе против «тюрьмы народов» Австро-Венгрии (хотя, справедливости ради, Дунайскую монархию, в отличие от царской России, никто так в довоенной Европе почему-то не называл!). Разумеется, командование Русской Императорской армии не преминуло воспользоваться благоприятной возможностью ослабить позиции Австро-Венгрии и усилить военную мощь России за счет десятков тысяч чешских и словацких штыков и сабель. В составе Русской армии были сформированы три полноценные дивизии, сведенные в единый **Отдельный Чехословацкий корпус** (или, как его еще именовали, **Чехословацкий легион**). Чехословацкие (чаще именуемые, для краткости, просто **«чешскими»**) легионеры плечом к плечу с русскими войсками доблестно сражались против австро-венгерских войск (чаще именуемых у нас, для краткости, просто австрийцами, или **«австрияками»**) и их германских товарищей по оружию. После свержения большевиками, с немецкой помощью, Временного правительства, окончательного развала Русской армии и заключения в начале 1918 года **«похабного»** Брестского мира Россия оказалась выведенной красными узурпаторами из Великой войны. Обеспокоенная ослаблением своих позиций Антанта, по согласованию с большевизским руководством, достигла договоренности с **Совдепией** об эвакуации Чехословацкого корпуса через Владивосток во Францию для продолжения чехословацкими легионерами войны с немцами на Западном фронте. В условиях повсеместно разгоравшейся на просторах оседланной, но отнюдь еще не покоренной бандой Троцкого и Ленина России кровавой русско-советской гражданской войны запланированная эвакуация чехословацких добровольцев затянулась. В результате эшелоны с чехословацкими легионерами оказались рассредоточенными по большей части Транссибирской железной дороги. Необходимо заметить, что в массе своей чехословацкие легионеры, ставшие многократными свидетелями кровавых эксцессов большевизской революции, поругания русских воинских святынь, диких самосудов и жестоких расправ большевизских комиссаров и распространяемой ими озверелой солдатни с русскими офицерами, а самое главное – убедившиеся в том, что казавшиеся им столь близкими к осуществлению надежды на победу Антанты над австро-германским блоком Центральным державам и обретение их родиной в результате этой победы, национальной независимости, оказались на неопределенный срок развеяны спровоцированным немцами развалом России руками большевиков, относились к последним, как к германской агентуре и не считали нужным скрывать свое презрение и ненависть к **«красной сволочи»**. То и дело происходили стычки – до поры-до времени мелкие – между **«чехами»** и красногвардейцами. Ситуация, и без того крайне напряженная и взрывоопасная, дополнительно усугублялась тем, что в рядах последних служило, наряду с китайскими и латышскими **«пролетарскими интернационалистами»**, великое множество венгров, немцев и австрийцев – вчерашних военнопленных, которых большевики выпустили из лагерей, раздав им оружие, красные повязки, и отправили по градам и весям Великой России **«во имя всемирного торжества идей пролетарской революции беспощадно расправляться с контрреволюционными элементами»**. По условиям **«похабного»** Брестского мира, Центральным Державам возвращались два миллиона пленных, взятых русскими войсками в 1914-1918 гг. на фронтах Великой войны. Но в действительности далеко не все из этих двух миллионов вернулись «на родину» – то есть, на деле, в кровавую мясорубку мировой войны (Россия-то из нее вышла, а вот Центральные державы – еще нет). А поскольку после капитуляции России в Брест-Литовске дома (в Германии, Австрии, Венгрии) никто уже не смог бы бросить этим не желавшим возвращения домой военнопленным немцам, венграм, австриякам и иже с ними упрека в предательстве, многие из германских и австро-венгерских военнопленных – например, хорват (?) Иосип Броз (Тито), будущий красный диктатор послевоенной Югославии) начали охотно вступать в **союзную** их странам **«интернациональную»** (а **не русскую!**) **«пролетарскую»** Красную Ар-

мию, в органы ВЧК и советской власти. Естественно, эти немцы, венгры и австрийцы выступали по отношению к русскому народу, в лучшем случае им совершенно чуждому, а чаще всего – ненавистному им (четыре года окопной войны против русских и пребывания в русском плену, естественно, никак не способствовали появлению или усилению любви немецких и мадьярских **«интернационалистов»** к России и русским!), в качестве идеальных карателей, особенно если учесть, что искали подобные «лазейки» далеко не лучшие представители своих народов. Некоторые из них при этом и впрямь заражались большевистскими идеями, другие же оставались простыми наемниками, «ландскнехтами революции», по выражению Троцкого. Уже 21 февраля 1918 года сотни выпущенных на свободу немецких военнопленных по призыву **«Социалистическое отечество в опасности!»** советского правительства, (**«забывшего» на время, что, по Марксу-Энгельсу и Ленину, «у пролетариев нет Отечества»!**), вступили в новоиспеченную Красную Армию. Уже 26 января был сформирован первый немецкий Добровольческий отряд Красной Армии, немедленно отправленный... отнюдь не на Запад, защищать **«Отечество пролетариев всего мира»** от **«наглой агрессии германского милитаризма»**, а... на Восток, против русского и православного казачьего атамана Дутова! Впрочем, через год германским добровольцам в составе белой Русской Западной Добровольческой Армии генерала князя Петра Михайловича Авалова (Бермондта) довелось скрестить штыки со своими «густо покрасневшими» соотечественниками из **«Революционного матросского полка имени Карла Либкнехта»** и на Западе, в Прибалтике. Однако подобное было скорее исключением, чем правилом. Искушенные макиавеллисты, большевики проявляли в таких делах максимум осторожности и посылали насильно мобилизованных ими донских казаков против поляков, а **«красных поляков»** – на раскачивание, ижорских мужиков – покорять Туркестан, а **«красных башкир»** – под Питер, против Юденича. Так или иначе, но в последующие недели большевики сформировали из германских военнопленных многочисленные отряды в Москве, Казани, Курске, Ташкенте, Самаре, Омске, Томске и в других городах. Германские **«интернационалисты»** сражались против истинных русских патриотов в войсках Фрунзе, Чапаева, Блюхера и Буденного на всех фронтах гражданской войны, **«плечом к плечу со своими братьями по классу»** местного разлива. Среди них был, между прочим, и бывший военнопленный Роланд Фрейслер, вступивший, в период своей службы в Красной армии, в ряды Всероссийской Коммунистической Партии (большевиков), затем комиссаривший на Украине, служивший в ГПУ, потом по линии Коминтерна вернувшийся в Германию готовить революцию и там, но в одночасье... перешедший в гитлеровскую НСДАП, ставший Президентом нацистского «Народного трибунала», осудившего на смерть германских офицеров и генералов, участвовавших в заговоре против Гитлера в 1944 году, и убитый американской бомбой во время налета авиации западных союзников СССР по антигитлеровской коалиции на Берлин, где Гитлер проводил показательные судебные процессы над своими собственными **«врагами народа»**. За годы русско-советской гражданской войны через **«школу»** большевицких **«Рабоче-Крестьянской Красной Армии»** и **«Чрезвычайной Комиссии по борьбе с контрреволюцией и саботажем»** прошло не менее 300 000 подобных **«интернационалистов»**, плюс 40 000 китайских наемников (которых еще царское правительство подрядало на тыловые работы, а большевики за высокую плату привлекли на службу). Попутно заметим, что большевицкими наемниками стало также немало эстонцев и **«красных»** латышских стрелков, которые не могли вернуться на оккупированную германцами родину. Поэтому латышские полки не разложились и не разбежались, подобно другим российским частям, а согласились служить большевистскому режиму за золото. Любопытно, что после взятия Красной **«армией мировой революции»** Перекопа, последнего оплота Русской армии генерала барона Врангеля в Крыму в 1920 году, хор **«красных»** латышских стрелков пел отнюдь не «Интернационал», а латышский гимн «Dievs sveti Latviju» («Боже, благослови Латвию»)! Так что костяком и наиболее боеспособными частями формирующейся **«Рабоче-Крестьянской Красной Армии»** стали отнюдь не представители патриотических сил России. Но это так, к слову. Для нас в данном случае важно, что легионеры-чехи не могли спокойно смотреть на немцев или австрийков (объ-

единявшихся ими под общей презрительной кличкой **«швабов»**), а легионеры- словаки – на венгров-мадьяр, щеголявших красными звездами, лентами и повязками, требовавших от них предъявления документов и сдачи оружия. Для них эти **«швабы»** и **«мадьяры»** оставались угнетателями, веками державшими славян в самом жестоком рабстве (достаточно вспомнить яркие сцены постоянных **«кулачных боев»** между чехами и венграми в рядах австрийской «императорской и королевской» армии в романе Ярослава Гашека о бравом солдате Швейке и знаменитую фразу старого сапера Водички: «Говорил я тебе, ты еще мадьяр не знаешь!»). Подобные **«теплые»** чувства накаляли обстановку до предела.

До поры-до времени большевики вели себя по отношению к эвакуировавшимся чехословакам внешне вполне лояльно. Однако в планы германских «заказчиков» большевицкого переворота и вывода России из войны вовсе не входило спокойное наблюдение за переброской на Западный фронт десятков тысяч свежих бойцов, настроенных откровенно антиавстрийски, антивенгерски и антинемецки и не скрывавших своей преданности Антанте. Ленину и Троцкому был дан кивок из Берлина – и сразу же произошел вооруженный конфликт между красногвардейцами-**«интернационалистами»** и **«братьями-чехословаками»** на железнодорожной станции Чита.

Организатор Красной Армии и **«демон революции»** Лев Давыдович Троцкий под угрозой смертной казни потребовал от чехословацких легионеров немедленно разоружиться. Но произошло непредвиденное. Чехословацкий корпус, растянутый на огромном пространстве от Дальнего Востока до Поволжья, восстал поголовно. Руководство Антанты призвало чешское командование начать организованную борьбу с германскими союзниками-большевиками. И в результате, при действенной поддержке чехословаков, борцам русского антикоммунистического Сопротивления удалось сформировать правительства Комуча. Сразу же началось формирование антибольшевицкой армии под командованием чешского генерала Яна Сыровы (или, по-русски. Сырового).

На беду национальной России, русско-чехословацкое братство по оружию в борьбе с большевиками стало давать трещины и сбои по мере поступления в Россию сведений о начавшейся в Австро-Венгрии антигабсбургской революции. С этого момента **«братья-чехословаки»** стали с каждым днем все явственнее утрачивать интерес к русским делам, стремясь как можно скорее вернуться домой. Правда, первое время **«чехов»** еще сдерживали некоторые обязательства перед Верховным Правителем России адмиралом Колчаком, а главное – перед Антантой (тоже, впрочем, на глазах терявшей интерес к происходящему в России – особенно после военной капитуляции Центральных держав). Усугубляя все более неотвратимо приближающийся конец Колчака, стали массами покидать истекавший кровью под натиском красных Восточный фронт, захватив Транссибирскую магистраль, набив эшелоны награбленным русским добром (в частности – золотом Государственного банка), бросив тысячи бойцов Белой армии и русских беженцев на верную гибель от жестоких сибирских морозов и рук красных убийц, предав и выдав на расправу эсеровскому Иркутскому комитету Верховного Правителя России адмирала Колчака и совершив еще немало преступлений против доверившихся им русских людей.

В Народной армии

После свержения советской власти в Поволжье в результате всенародного восстания, поддержанного частями Чехословацкого корпуса, поднявшими оружие против Советов после попытки большевиков, по указке своих германских **«спонсоров»** (или, говоря по-русски, **«доброхотных дарителей»** – кому как больше нравится!), разоружить известных своей непоколебимой преданностью Антанте **«братьев-чехословаков»**, Каппель вступил в ряды сформированной антикоммунистическими

повстанцами Народной армии правительства **Комуча (Комитета членов Учредительного Собрания)**, совершив головокружительное восхождение по ступенькам военной карьеры, от командира **1-й Добровольческой Самарской дружины** до звания Командующего действующими войсками всей армии Комуча. Сформированное в Поволжье правительство Комуча, рассматривавшее себя в качестве законного правопреемника **всероссийского Учредительного Собрания**, разогнанного в начале 1918 года большевицкими штыками (в историю вошли печально знаменитые слова командовавшего разгоном **«матроса-большевика-партизана» Железняк**: «Каравул устал! Все расходитесь по домам!» и последовавший на следующий день после разгона Учредительного собрания, презрительно именовавшегося большевиками **«Учредилкой»**, расстрел «ландскнехтами революции» мирной демонстрации в защиту **«Учредилки»** в Петрограде; в действительности **«матрос Железняк»** был не большевиком, а «анархистом-коммунистом», но сути дела это не меняло). По своему составу пришедшее в июне 1918 года к власти в Поволжье с помощью чехословацких легионеров правительство Комуча было эсеро-меньшевицким и потому особых симпатий у беспартийного монархиста Каппеля не вызывало. И особого взаимопонимания с руководством Комуча у Каппеля не было. В правительстве Комуча сидели эсеры, а для русского офицера-монархиста разница между эсером и большевиком была невелика (в дальнейшем правильность подобных взглядов была доказана трагической судьбой Верховного правителя России адмирала Колчака, преданного и убитого как раз эсерами). Тем не менее, Каппель, считая большевиков злом, несравненно и неизмеримо большим для России, служил Комучу честно и не раз отличался в боях с частями Красной армии в Поволжье. Несмотря на то, что Каппель, находясь на русско-советской гражданской войне, уже давно вышел из юнкерского возраста, в душе он оставался настоящим юнкером – не в смысле легкомысленности, а в смысле юношеского максимализма в отношении всего, что касалось Родины, Чести и Совесть. Он проявлял благородство и по отношению к противнику, отпуская по домам всех пленных (не изъявлявших желанию вступить в ряды его войск). Каппель никогда не допускал никаких реквизиций и бесчинств по отношению к мирным жителям, напоминая своим добровольцам суворовскую заповедь: «С бабами и детьми не вой». Это, кстати, соответствовало и распоряжениям по армии, отдававшимся адмиралом Колчаком, но в войсках Каппеля их соблюдали особенно неукоснительно.

На службе у Комуча несомненные военные дарования Каппеля проявились во всем своем блеске. В армии Комуча в Поволжье он возглавил **сводный Ударный отряд** из ветеранов-окопников, кавалеристов и двух артиллерийских батарей. С Волги отряд Каппеля поддерживала небольшая речная флотилия. **«Летучий отряд»** Владимира Каппеля был организован по типу партизанского отряда Дениса Давыдова времен Отечественной войны с Наполеоном 1812 года. Каппель внезапным налетом (преимущественно ночным) ошеломлял противника, громил его превосходящие силы (превосходство красных достигало обычно 20-30-кратного размера) и всегда добивался невероятных успехов. Так, в ночь с 6 на 7 августа 1918 года именно **«летучий отряд»** Каппеля внезапной атакой (одновременно с суши и с Волги) выбил из Казани два полка красных латышских стрелков (отнюдь не новобранцев, а выдавших виды ветеранов-окопников Великой войны) и захватил хранившуюся в Казани половину золотого запаса Российской Империи! Часть этого золотого запаса была израсходована правительством адмирала Колчака на закупку вооружений и военного имущества в Японии; другую – большую – часть адмирал хранил в неприкосновенности, пока она не была частично захвачена чехословаками, а частично, по некоторым сведениям, укрыта в надежном месте генералом бароном Романом Федоровичем фон Унгерн-Штернбергом). Однажды Каппель во время глубокого рейда по тылам красных, окружил самого **«демона революции»** – наркомвоенмора Льва Давыдовича Троцкого, но тот успел сбежать на бронепоезде. А в другой раз, чуть раньше, каппелевцы едва не захватили штаб красного главкома Восточного фронта Иоахима (Юкумса) Вацетиса. Начиная с осени 1918 года, Каппель в войсках Верховного Правителя России адмирала А. В. Колчака, уже в чине генерал-майора, командовал **1-м Волжским Корпусом**, а затем – **войсковой группой** в ходе Челябинской военной

операции. В 1919 году Владимир Оскарович Каппель командовал **3-й армией** и, повышенный в звании до генерал-лейтенанта, являлся последним **Главкомандующим** колчаковским **Восточным фронтом**.

После освобождения Казани от красных Каппель со своим **Волжским корпусом** собирался, не давая красным передышки, идти на Москву. Момент был удачный, но начальство его удержало. Впрочем, планы идти на освобождение Москвы через Нижний Новгород были не только у Каппеля. Но белое командование не было уверено, что для достижения задуманного хватит имевшихся в наличии сил. К тому же армия, которой располагал Комуч, являлась достаточно разношерстной по своему составу. Пожалуй, наиболее способным ее соединением являлся бригада корпус Каппеля. Поэтому каппелевцами приходилось, грубо говоря, затыкать бреши в фронте, отбрасывая наседавших красных силами этой **«аварийной (или пожарной) команды»**. Красная армия к тому времени начала становиться все более организованной. Троцкий и другие большевицкие вожди усиленно привлекали в ряды «воинства мировой революции» усердно истребляемых большевиками всего несколькими месяцами ранее **«старорежимных»** военспецов-**«золотопогонников»** и укрепляли дисциплину в своей армии (число дезертиров из рядов которой постоянно превосходило число бойцов **всех** противостоявших красным армий – а не только собственно **«белых»!** – вместе взятых!) самыми драконовскими методами. Например, проводили **децимации** – расстреливали каждого десятого красноармейца в отступившем полку, батальоне или роте.

«Тиллигенция»

Долгие годы представления громадного большинства **«подсоветских»** людей о Каппеле и каппелевцах ограничивались основным посвященными «каппелевцам» кадрами «культового» советского фильма «братьев» Васильевых «Чапаев», снятого в 1934 году. А из этих кадров им больше всего запомнились запечатлевшие надвигающуюся на Анку-пулеметчицу **«психическую атаку»** якобы **«каппелевцев»** – мрачных **«биороботов»** в зловещей черной форме с белыми погонами и аксельбантами (некоторым, особенно впечатлительным, зрителям они казались **«как будто скелетами»** – это впечатление усугублялось белыми перекрещенными костями и черепом, весело скалящимся с черного знамени). Сам Владимир Оскарович Каппель оставался в фильме «братьев» Васильевых как бы **«за кадром»**, Однако, в качестве некоего олицетворения **«каппелевского офицера»**, перед советским зрителем предстал молоденький поручик со стеклом в руке и сигаркой в зубах, красиво **«идуший умирать»** перед своим зловещим черным строем (возможно, одурманенный кокаином, чтобы не бояться красных пуль). Полюбуйтесь, товарищи – вот они, как красиво идут – **«тиллигенция»**, «обломки империи», «пауки», «эксплуататоры трудового народа», «гады» (и прочие эпитеты, которыми награждал румынских пограничников «великий комбинатор» Остап Ибрагимович Бендер в заключительных абзацах романа Ильфа и Петрова «Золотой теленок»). Единственным основанием этого экранного «маскарада» служил тот факт, что сам Каппель был запечатлен на нескольких фотографиях в военной форме черного цвета (хотя и безо всяких черепов и **«скелетообразных»** атрибутов). И знамя у Каппеля было не черное, с черепом и костями, а вовсе даже белое, с трехцветным русским бело-сине-красным крестом и надписью черными буквами **ВОЛЖАНЕ ГЕНЕРАЛА КАППЕЛЯ**. Правда, в Сибирской армии адмирала Колчака встречались черные знамена с белой **«Адамовой головой»** (например, знамя штурмовой бригады полковника Пепеляева или Партизанской атамана Анненкова дивизии), но Каппель и каппелевцы не имели к этому никакого отношения.

Вопреки фантазиям большевицких **«добрых сказочников»**, в действительности, войска Владимира Каппеля являлись, по своему составу, отнюдь не дворянско-буржуазно-**«тиллигентскими»**, а как раз рабоче-крестьянскими. Сказанное, кста-

ти, относится и во всей армии адмирала Колчака в целом. В ней постоянно ощущался хронический недостаток офицерского состава. Верховный Правитель постоянно обращался к формально подчиненному ему Главнокомандующему Вооруженными Силами Юга России генерала А. И. Деникину (в армии которого, наоборот, ощущался переизбыток офицеров, так что из офицеров состояли целые роты, батальоны и полки и застывшие в суровом солдатском строю седоусые полковники были в порядке вещей) с просьбой помочь сибирякам офицерами. Но призывы Колчака оставались, как правило, без ответа.

«Белые пролетарии» Каппеля

Именно по причине огромной популярности Каппеля не только в армии, но и в рабоче-крестьянской (причем в первую очередь – рабочей!) среде его образ так усердно демонизировался советской пропагандой. С ноября 1918 года под началом Владимира Оскаровича в Волжском (позднее – Сибирском) корпусе воевали целых две дивизии (!) «белых пролетарских добровольцев» – рабочих Ижевского и Воткинского заводов. Еще в августе 1918 года рабочие-ижевцы и воткинцы, все как один, не желая долее мириться с красной кабалой, подняли вооруженное восстание против большевиков и стойко держали фронт против них, а затем прорвались к белым, вместе с женами и детьми. Они оставались с Каппелем до конца, проделали весь сибирский Ледяной поход, а затем вместе с остатками белых войск ушли за границу – побежденные, но не покоренные.

Подобному **«иммунитету»**, казалось бы, простых русских рабочих, к бациллам **красной чумы** имелось свое объяснение.

До революции Ижевский и Воткинский оружейные заводы считались в Российской империи такими же крупными и важными, как Тульский и Сестрорецкий. Процветанию Ижевского завода немало способствовал генерал Дубницкий, назначенный Государем Николаем Александровичем управляющим этого предприятия, как мы сказали бы сегодня, оборонного комплекса. Всемерно укрепляя производство, генерал Дубницкий лично заботился о том, чтобы рабочие-оружейники вверенного его попечению завода были обеспечены всем необходимым: хорошим жалованьем, профилакторием, образцовыми, по тем временам, условиями труда. Любой рабочий мог лично прийти на прием к генералу поделиться своими проблемами, и Дубницкий всегда удовлетворял просьбы рабочих и шел навстречу их пожеланиям. В свою очередь, рабочие не только хорошо трудились, за что получали знаки отличия в виде «мастеровых кафтанов» (в зависимости от трудовых достижений – с серебряным или с золотым галуном), но и любили своего управляющего, почитавшегося ими «за отца родного». Рабочие Ижевского и Воткинского оружейных заводов доблестно служили Родине не только на производстве. В годы Великой войны многие рабочие – ижевцы и воткинцы – ушедшие воевать на фронт, были награждены за храбрость Георгиевскими крестами и медалями.

После октябрьского переворота 1917 года прибывшие на Ижевский и Воткинский заводы большевистские агитаторы долго рассказывали рабочим сказки о том, как теперь будет хорошо жить трудящимся, поскольку «теперь власть будет народная, завод теперь принадлежит родной Советской власти», никто-де их, рабочих, больше не будет **«эксплуатировать наемным трудом»** (по выражению незабвенного **«мирового революционера»** Макара Нагульнова из шолоховской «Поднятой целины»), что больше не будет кровопролитных войн между народами, и прочее в том же духе. Но что в результате всех этих красивых речей произошло на практике?

Горячо любимого рабочими управляющего Ижевского завода, генерала Дубницкого пьяная матросня безо всяких причин расстреляла (совсем по Макару Нагульнову: **«Эксплуатировал наемным трудом? Становись, кровавая гадюка, к стенке!»**).

Рабочие Ижевского и Воткинского заводов перестали получать полагающееся им за работу жалование. Вместо этого новые красные власти предлагали им подтянуть животы и подождать совсем немного... до победы Мировой революции (**«тогда, товарищи, все наше будет!»**).

Избранный рабочими Совет красные комиссары, в свойственной им ненавязчивой манере, разогнали, совсем как **«Учредилку»**, с применением вооруженной силы. Избранный в Совет ижевский рабочий А. П. Сосулин был убит большевиками.

Прикрываясь красивыми словами о **«народной советской власти»** комиссары занялись откровенным грабежом якобы **«освобожденного»** ими от «капиталистической эксплуатации» трудового народа (**«Все вокруг – народное, все вокруг – мое!»**).

Возмущение рабочих нарастало. Когда большевики в очередной раз явились на базар грабить торгующих там **«спекулянтов-мешочников»** и **«спекулянтко-мешочниц»**, последние отколотили **красную саранчу** безменами (кое-кому и головы проломали). Разгневанные комиссары спешно вызвали на подмогу красноармейцев-латышей. Женщины – торговки и покупательницы – в свою очередь, сообщили о случившемся на базаре своим мужьям – рабочим-фронтовикам. К этому времени уже все рабочие поняли, что на самом деле несет трудящимся так называемая **«советская власть»**.

7 августа 1918 года началось восстание на Ижевском оружейном заводе. По заранее разработанному плану рабочие (входившие в подготовивший восстание **«Союз фронтовиков»**), бросились в заводские пристрелочные мастерские (только там имелись патроны к оружию), перебили красных латышей-охранников и вооружили рабочих.

17 августа восстали рабочие Воткинского оружейного завода.

Около 40 000 рабочих подняли в тылу у Красной армии оружие против большевиков под красным знаменем с надписью **«За Советы без жидов и коммунистов»**. У заводских станков они стояли, не снимая винтовок. В бой шли с гармошками, под пение революционных песен – «Варшавянки» и «Марсельезы».

Многочисленные карательные экспедиции красных по усмирению взбунтовавшихся рабочих неизменно заканчивались полным провалом – ведь у рабочих был за плечами опыт Великой войны, среди них было немало Георгиевских кавалеров – русских воинов, проявивших чудеса храбрости в борьбе с внешним врагом – а теперь вот пришлось сразиться с врагом внутренним.

По ходу нашего повествования нам уже не раз приходилось обращаться к эпизоду знаменитой **«психической атаки каппелевцев»** под Уфой из упоминавшегося нами выше советского блокбастера «Чапаев». В действительности в **«психические атаки»** на красных под Уфой шли именно ижевцы-воткинцы и уфимские стрелки. В 1918 году ижевцы-воткинцы еще не имели погон, а носили нарукавные повязки. Многие из них шли в бой не в военной форме, а в своей повседневной рабочей одежде – телогрейках и кепках. Им действительно, как в фильме «Чапаев», приходилось идти в атаку без выстрелов (но не для того, чтобы не мешать зловеще греметь барабанам – которых в битве под Уфой не было!, а просто из-за элементарной нехватки патронов). Завод производил в большом количестве винтовки, но не патроны. **«Психическая атака»** ижевцев-воткинцев заключалась в том, что рабочие, по команде старшего, закидывали винтовки за спину, вытаскивали из голенищ сапог громадные рабочие тесаки (использовавшиеся для резки кожи на заводе) и бросались на красноармейцев врукопашную. Большевики не выдерживали даже простого лицезрения процедуры извлечения рабочими-каппелевцами тесаков из-за голенища

и обращались в бегство с такой скоростью, что их потом долго не могли догнать. Как говорилось в фильме «Чапаев» на каппелевской листовке:

«А трусливые чапайцы удирают все как зайцы».

Проявивший в данном случае недюжинную для тех времен **«политкорректность»** адмирал Колчак долго, почти год, терпел, что бойцы его армии воюют против красных красным флагом. Да и многие другие сибиряки недоумевали. Как же так? Вроде свои, белые, а под красным флагом...

Вопрос решился сам собой в 1919 году, когда Верховный Правитель России за доблесть и героизм в борьбе с неприятелем вручил **Ижевской стрелковой дивизии** особое **Георгиевское знамя**, представлявшее собой белое, с синей каймой, квадратное полотнище, перекрещенное по диагонали, из угла в угол, двумя черно-оранжевыми георгиевскими лентами с двуглавым орлом Верховного Правителя России (без корон) с одной стороны и с ликом Спаса Нерукотворного – с другой.

В ходе дальнейших боевых действий, Красноярской катастрофы, вызванной изменой гарнизона, красного восстания в Иркутске и жестоких боев при отходе за Байкал, знамя **Ижевской стрелковой дивизии** попало в руки красных. В настоящее время оно хранится в Иркутском музее под видом «боевого трофея Красной армии» (хотя было захвачено отнюдь не в бою).

Взамен утраченного Георгиевского знамени, ижевцы изготовили в Приморье новое, представлявшее собой сочетание трехцветного бело-синие-красного государственного флага России и с надписью на синей полосе прописными белыми литерами **«ИЖ» (Ижевцы)** и прямоугольника белого цвета, перекрещенного по диагонали, в форме Андреевского креста, двумя черно-оранжевыми Георгиевскими лентами.

Со временем ижевцы-воткинцы стали носить погоны синего цвета (символ стали) с белыми просветами у офицеров, носивших также нарукавные знаки в форме щитков красного цвета с изображением перекрещенных винтовок (у ижевцев) и перекрещенных револьверов (у воткинцев).

Командиры ижевцев и воткинцев – генерал В.В. Молчанов, полковники А.Г. Ефимов, П. фон Вах (везде эти **«русские немцы»!**), подполковники В.Л. Веников и А.П. Цветков (старший адъютант и начальник штаба **Ижевской стрелковой дивизии**), машинный кондуктор В.М. Новиков (один из организаторов антибольшевицкого восстания на Ижевском оружейном заводе, обладатель **«мастерового кафтана с золотым галуном за беспорочную службу на Ижевском заводе»**) и многие другие **«белые пролетарии»**, заслужившие свои офицерские чины в боях с внешними и внутренними врагами Великой России входили в число ближайших соратников Каппеля.

Поскольку эти рабочие-каппелевцы (сражавшиеся против большевицких войск с пением «Варшавянки» и, первое время, даже под красными знаменами!) абсолютно не вписывались в теорию классово-борьбы Маркса-Энгельса-Ленина-Сталина, они всегда оставались **«бельмом на глазу»** советской власти, которая именно по этой причине из кожи вон лезла, пытаясь (как выясняется теперь, не без успеха) внедрить в народное сознание образ Каппеля и каппелевцев, как **«врагов народа»**, якобы **«классово чуждых»** всем **«простым советским людям»** (что должен был демонстрировать весь их **«глубоко антинародный»** и **«фашистский»** внешний вид, черный цвет мундиров и белые череп и кости на знамени).

«Мертвая голова» и черный цвет мундиров

Скажем, кстати, несколько слов по поводу самой эмблемы **«череп и кости»**, одного из древнейших символов в истории человечества, носящего, тем не менее, в глазах многих наших соотечественников и современников, дезориентированных злонамеренной пропагандой или же попросту страдающих от недостатка элементарных знаний, достаточно одиозный и зловещий характер. В 1999 году, в преддверии «Миллениума», в смоленском издательстве «Русич», в серии «Мир в войнах», вышел перевод книги английского автора Г. Уильямсона «СС – инструмент террора». Уважаемый автор предисловия к русскому изданию книги об «ордене под мёртвой головой», М. Рабинович, счел необходимым подчеркнуть: «Кошмарный сон оборачивается явью: юнцы и пенсионеры в... форме, украшенной самым зловещим из символов, известных в истории, снова маршируют и в Центральной Европе, и в Прибалтике, и – верить ли своим глазам? – в России». Между тем, символ «мёртвой головы», то есть «череп и кости», несравненно более древний, чем СС и чем породивший эти самые СС германский национал-социализм, отнюдь не является каким-то исключительным изобретением разработчиков нацистской и протонацистской символики. Достаточно вспомнить пример из сравнительно недавнего прошлого, ставший почти хрестоматийным. В бесчисленном множестве мемуаров советских времен ушедшие на покой участники гражданской войны в Испании вспоминали одно и то же. Вот испанским республиканцам демонстрируют **«культовый»** советский фильм «Чапаев». Наступает кульминационная сцена – **«психическая атака»** русских белых офицеров-**«ударников»** под чёрным знаменем с белым черепом и костями – и вот заполнившие кинозал испанские республиканцы криками: «Фашисты!», а самые нервные – даже палить в экран изо всех стволов. Совершенно ясно, что для советского и – шире – большевицкого и вообще «левого» сознания той далёкой эпохи **«череп и кости»** однозначно символизировали **абсолютное зло**. Поэтому нет ничего удивительного в том, что советское сознание невольно (или вольно) ассоциировало русских **«фашистов»**-белогвардейцев с немецкими **«фашистами»**-эсэсовцами. Общий стиль распознавался сразу, пусть даже на подсознательном уровне. Как сейчас помню эпизод из купленной мне родителями в далеком детстве в Феодосии книжки «Витя Коробков, пионер-партизан» (фамилию автора, к сожалению, память не сохранила), где описывалось, как из немецкой автомашины «выскочил долговязый офицер с черепом на рукаве. «Эсэсовцы!» – пронеслось в мозгу у Вити...» – хотя череп на рукаве носили русские «корниловцы» и прочие «ударники чапаевских времен», эсэсовцы же (кроме чинов отрядов «Мертвая голова», охранявших концентрационные лагеря, носили череп на головных уборах, а – не череп, а орла со свастикой-коловратом в когтях!). Со временем дело зашло так далеко, что в книге очерков по истории России (для иностранцев) «Истоки истории» (Москва, Высшая школа, 1989 г.), вышедшей из-под пера ныне покойного профессора Н.Н. Яковлева (того самого, которому ныне покойный академик А.Д. Сахаров прилюдно вlepил пощёчину за нелестные отзывы о своей жене в другой книге того же профессора, «ЦРУ против СССР»), даже тевтонские рыцари (!) ордена Пресвятой Девы Марии в битве на Чудском озере (в 1242 году!) выступают под **«чёрным знаменем с белым черепом и костями»**! Настолько символ черепа с костями в эпоху **«развитого социализма»** стал ассоциироваться в советском сознании с чем-то **изначально враждебным и чуждым**, став своего рода **«антисимволом»**. Между тем, **череп и кости**, как наиболее стойко противостоящая тлению, то есть разложению, и в наименьшей степени поддающаяся разрушению органическая ткань, в большинстве древних культур издавна символизировали способность к телесному возрождению, жизненную энергию и силу духа, отнюдь не являясь, вопреки широко распространенному заблуждению, символом утраченного, разрушения и смерти. Этот мрачный смысл вкладывался в него, как мы увидим далее, только анархистами и большевиками в период Октябрьского переворота, последующего периода **«красного террора»** и русско-советской гражданской войны 1917-1922 годов в России. Не случайно большевицкий литератор Артём Весёлый (в период сталинской «большой чистки» сам попавший под **«Красное колесо»**, которое так усердно помогал крутить в кровавые годы россий-

ской Смуты!) живописуя революционный разгул в своём романе-хронике «Россия, кровью умытая», писал: «В станицу отряд входил под черным знаменем, на котором светлыми шелками были вытканы скрещенные кости, череп, восходящее – похожее на петушиный гребешок – солнце и большими глазастыми буквами грозные слова: СПАСЕНЬЯ НЕТ. КАПИТАЛ ДОЛЖЕН ПОГИБНУТЬ».

Символ «череп и кости» пользовался широчайшим распространением как раз в России со времен крещения древней Руси Святым равноапостольным князем Владимиром, если не раньше. В этом проще простого убедиться, зайдя в любой христианский храм (причём даже не обязательно в православную церковь – западные летописцы засвидетельствовали существование в 1176 году в Иерусалиме духовно-рыцарского **«Ордена Благой Смерти»**, члены которого носили поверх доспехов чёрные плащи с белым черепом и костями на правом плече!), где, рассмотрев повнимательнее изображения на Распятии, мы почти всегда увидим в основании Голгофского креста этот самый **«зловещий»** символ – череп и кости. Дело в том, что, по христианскому Священному преданию, место для распятия Спасителя было промыслом Божиим выбрано как раз там, где покоились бранные останки, то есть череп и кости, прародителя рода человеческого – Адама. Поэтому **Голгофа** (в переводе с арамейского языка – **«Лысый череп»**) именуется еще Краниевским (в переводе с греческого буквально **«черепным»**), или Лобным, местом. По легенде, кровь и вода, истекшие из ребра распятого Христа – **«нового Адама»** – прободённого копьем римского сотника Лонгина, с целью убедиться в смерти осуждённого на крестную муку, пролившись на кости **«ветхого Адама»**, чудесным образом омыли его от грехов, что явилось символическим прообразом последовавшего вслед за тем в течение трёх дней – с пятницы до воскресенья – сошествия Христа во ад, с целью вывести оттуда в рай ветхозаветных праведников, начиная с Праотца Адама. Поэтому череп и кости, именуемые на Руси издревле **«Адамова голова»**, вошли в христианскую и, в том числе, православную религиозную символику как знак жертвенной смерти во имя грядущего спасения через воскресение к вечной жизни. Вот почему **«Адамова голова»** украшает не только распятия в христианских храмах – своеобразные **«модели Голгофы»** – но и нательные кресты, и облачения схимников – монахов, принявших сугубый постриг, как бы «заживо легших в гроб», дабы возродиться из него к жизни вечной.

Когда объединённые дружины Святого Благоверного Великого князя Московского Дмитрия Ивановича, за свою великую победу в 1380 году прозванного Донским, вышли на бой с Ордой на Куликово поле, начало сражению положил поединок ордынского богатыря Челубея с иноком Свято-Троицкого монастыря Александром (Пересветом), на которого сам Святой Преподобный Сергей Радонежский надел перед походом схиму... разумеется, украшенную, как и полагалось, образом Голгофского креста с «адамовой головой» – черепом и костями! Инок Пересвет погиб, но поразил и нехристя, упав на него сверху, чем засвидетельствовал свою победу и вселил веру в победу в сердца всех русских ратников. Так всецело оправдался символический смысл эмблемы **«черепа и костей»**, вкладываемый в неё христианами, причем не только русскими: **«Смертью смерть поправ!»**.

На протяжении человеческой истории эмблема **«мёртвой головы»** использовалась в британских, французских, финских, болгарских, венгерских, австрийских, итальянских и польских войсках, преимущественно в кавалерии, авиации, огнемётных, штурмовых и танковых частях, в частях особого назначения армии США и т.д. В германских государствах Пруссии и Брауншвейге издавна существовали кавалерийские и пехотные части с эмблемами в виде черепа и костей на головных уборах. С середины XVIII века символика смерти стала особенно популярной в армиях стран Западной Европы. Романтическая мода того времени диктует армии необходимость добавлять к привычной символике и военным атрибутам еще и **череп над скрещёнными костями** в сочетании с чёрным, красным и белым цветами отделки мундиров. Тем самым, кстати, была заложена основа позднейших русских, чешских, германских

и прочих **«ударных частей»** – например, корниловцев (имевших чёрно-красные фуражки с серебряным черепом и костями, чёрные мундиры с белыми кантами, чёрно-красные погоны с серебряной **«мёртвой головой»** и белыми выпушками, нашивку с черепом и костями на плече, серебряные кольца с черепом (прообраз эсэсовского **«тотенкопфринга»**!), чёрно-красное знамя с белым черепом и костями – и гитлеровских эсэсовцев, фактически перенявших у корниловских **ударников** их символику **«смерти-бессмертия»** и чёрно-бело-красную цветовую гамму.

Первыми подобную **«зловещую»** (по мнению многих не слишком просвещенных и обремененных знаниями наших современников) форму при Фридрихе Великом в середине XVIII века надели прусские **«гусары с мертвой головой» («Totenkopfhüsaren»)**. Хотя насчёт эпитета **«зловещий»** применительно к чёрной военной форме, как раз нам, русским людям (или, по крайней мере, тем из нас, кто еще не растерял последние остатки исторической памяти!), есть что возразить! Чёрный – цвет литургических облачений православных священнослужителей на Пасху Страстей Христовых. В лютую стужу в феврале 1918 года на Дону путь красным бандам под Новочеркасском преградили подростки-кадеты, многие – всего двенадцати лет от роду, ростом ниже своих трехлинейных винтовок, коротко стриженные, в **черных** мундирчиках – и погибли, но не сдались красному зверю! Интересно, кому из честных русских патриотов покажется **зловещим** чёрный цвет мундиров этих юных мучеников, отстаивших честь России!?

Что же касается прусских **«гусар с мертвой головой»**, то их форма состояла из чёрных чикчир, доломана и ментика и чёрной же шапки-мирлитона (Flügelmütze) с серебряными черепом и костями, символизовавшими мистическое единство войны и смерти на поле битвы. Чуть позднее в Пруссии же появился 2-й гусарский полк, чины которого носили форму со сходной символикой – полк **«гусар смерти» (Todeshüsaren)**, символикой которых стала не просто **«мёртвая голова»**, а **«сама Смерть в образе лежащего скелета с песочными часами и косой»**. Столь изощренная «символика смерти» явилась тогда в европейских армиях впервые.

Примерно в то же время символика **«смерти-бессмертия»** появилась в британской армии, а именно – в 17-м уланском полку, в память о генерале Вольфе, убитом в войне с французами в Квебеке в 1759 году. В 1855 году, после самоубийственной атаки британской легкоконной бригады в Крыму под Балаклавой, истреблённой огнём русской пехоты и артиллерии (и потому именуемой в британских военных анналах **«атакой в долине Смерти»**), эмблема «мёртвой головы» получила дополнительное звучание. Череп и кости были наложены на скрещенные уланские пики, опирающиеся на ленту с надписью **«OR GLORY»** – то есть **«(СМЕРТЬ) ИЛИ СЛАВА»** (через некоторое время пики были с эмблемы удалены, но череп и кости остались). После слияния 17-го полка с 21-м уланским в 1922 году эмблема сохранилась прежней. В 1993 году 17-й/21-й уланский полк был слит с 16-м/5-м Собственным Ее Величества Королевы уланским полком в Королевский Ее Величества Королевы уланский полк. Символика **«смерти-бессмертия»** сохранилась в полку по сей день. В период сербо-турецкой войне 1876 года **русско-черногорский «Легион смерти»** под командованием поручика Кириллова сражался под чёрным знаменем с белым черепом и костями (с тех пор это «знамя смерти» использовали сербские партизаны-четники, в том числе в годы Европейской гражданской войны 1939-1945 гг. и междоусобных войн, ведшихся на территории бывшей СФРЮ в конце 90-х годов XX века).

Боровшийся против французских захватчиков вплоть до битвы при Ватерлоо в 1815 году **«Чёрный легион»** герцога Брауншвейгского имел в качестве эмблемы опять-таки **«Адамову голову»** (от которой и ведёт свое происхождение череп с костями **«брауншвейгского типа»**). **«Мёртвая голова»** была эмблемой **«гусар смерти» (houssards de la mort)** французских эмигрантов-роялистов, боровшихся против революционного режима, в том числе в рядах российских войск, что, несомненно, по-

влияло, например, и на символику русского **5-го гусарского Александрийского полка** («чёрных» или «бессмертных» гусар, как их называли). Впервые же символика **«смерти-бессмертия»** была засвидетельствована в Русской Императорской армии во время Отечественной войны 1812 года в одном из конных полков Петербургского ополчения, называвшемся **«Смертоносным»** или **«Бессмертным»** полком. На головных уборах чинов этой ополченской военной части крепился серебряный череп над скрещенными костями. И опять-таки, как следует из самого названия полка, необходимо рассматривать эту символику (во всяком случае, применительно к русским войскам) **не столько как символику смерти, сколько как символику бессмертия.**

В ходе Освободительных заграничных походов 1813-1814 гг. русским воинам пришлось сражаться против Наполеона бок о бок с пруссаками. Один из регулярных полков русской кавалерии – Александрийский гусарский – именно начиная с этого времени начал использовать, хотя поначалу и неофициально, символику **«смерти-бессмертия»**. Известен эпизод, когда прусский фельдмаршал Георг-Леберехт фон Блюхер, перепутав в пороховом дыму сражения из-за сходства формы русских **«чёрных»** гусар-александрийцев с прусскими **«чёрными»** лейб-гусарами подъехал к **«александрийцам»** и приветствовал их, как **«гусар смерти»**. На это командир **«александрийцев»** князь Мадатов ответил Блюхеру, что они – не **«гусары смерти»**, а **«бессмертные гусары»**. С тех пор **«череп и кости»** использовались **«александрийцами»** везде, где только было возможно – вплоть до посуды в Офицерском собрании и фонарей в виде черепов на нем же. Впрочем, герб на головных уборах в виде черепа и костей был официально установлен для **«александрийцев»** Государем Императором Николаем II лишь в начале XX века. С тех пор череп и кости украшали меховые шапки и нагрудные полковые знаки **«александрийцев»** на **«законных»** основаниях.. **1-й эскадрон Ее Величества 5-го гусарского Александрийского полка** имел значок **«весь чёрный с серебряной Адамовой головой (полковой эмблемой), с рамкой из серебряного гусарского галуна»**; **2-й эскадрон** – значок **«весь чёрный, с серебряной Адамовой головой»**. **«Череп и кости»** украшали также тульи фуражек чинов **4-го гусарского Мариупольского полка** и черный значок **17-го Донского («Баклановского») казачьего полка**. Характерно, что на этом вышитом руками православных монахинь «знамени генерала Бакланова», героя покорения Кавказа, череп и кости были обрамлены девизом, представляющим собой не что иное, как заключительные слова христианского Символа Веры: **«Чаю воскресения мертвых и жизни будущего века. Аминь»**.

Именно такой смысл вкладывало в эмблему **«мёртвой головы»** православное христоролюбивое российское воинство, так что правомерность использования **«череп и костей»** в русской военной символике никого из тогдашних ревнителей Православия не смущало – в отличие от иных нынешних (в огромном большинстве своем при советской власти в Божью Церковь не ходивших, лба не крестивших, да, может, и в Бога-то не веривших!), всюду склонных усматривать происки вездесущих **«детей вдовы»**, а, попросту говоря – масонов, якобы всегда и везде только и думавших, как бы навредить России. Несомненно, **«мёртвая голова»** встречается (как, впрочем, все мыслимые и немыслимые символы самых разных религий) и в масонской символике. Правда, у масонов она чаще символизирует голову мифического архитектора Соломонова храма – Адонирама (или Хирама Абифа) и **«слово мастера»** вольных каменщиков **«мак бенак»** (якобы означающее – на неизвестном языке! – **«плоть отделилась от костей»**). Однако сегодня вряд ли стоит «стричь всех масонов под одну гребенку» и мазать всех их только черной краской. Само по себе франкмасонство (**«вольное каменничество»**) представляет собой настолько сложное идейное течение, возникшее, может быть, и не в библейские (как то утверждают многие масонские идеологи), но, во всяком случае, в достаточно **«допотопные»** времена из смеси языческого и (псевдо)христианского гностицизма, иудаизма,

окультизма, а частично и атеизма, что к нему просто невозможно подходить с единой меркой во все эпохи и во всех странах мира.

Во всяком случае, в XVII-XVIII веках франкмасонство тщательно скрывало свою подлинную цель – «демократизацию» всего мира, а по сути дела – уничтожение, под разными благовидными предложениями, традиционной христианской монархической государственности руками самих же христиан (впервые эта цель была вполне достигнута в ходе разразившейся в 1789 году Французской революции). Выступая (пусть больше на словах, чем на деле) за **«улучшение нравов непросвещенного человечества»**, масонство часто привлекало в свои **«ордены»** (ложи) склонных к мистицизму видных представителей военной, политической, культурной, научной, музыкальной и философской элиты – не посвящая их при этом в тайны высших **«градусов»** (иначе: **«степеней»**) масонской организации.

Можно по-разному относиться к масонству разных стран, народов и эпох, но фактом является то, что многие «масонские» (а точнее, воспринятые и «творчески переработанные» масонством) идеи, традиции и символы настолько прочно легли в основание современной европейской, и не только европейской, но и общемировой культуры и цивилизации, что стали ее неотъемлемой частью. Хотим мы того или не хотим, но если попытаться мысленно «вынуть» из ее фундамента все те элементы, которые являются или кажутся кому-то **«масонскими»** или **«заимствованными у масонов»**, то неминуемо рухнет все европейское здание. А ведь Россия – не остров в океане, а часть Европы (прежде всего!), и уж потом только – Азии (что бы ни думала по этому поводу **«евразийская молодежь»** в век нынешний и в век минувший)! Такой она стала, по крайней мере, со времен превращения ее в Российскую Империю при Петре Великом (хотя уже Царь Иван Васильевич Грозный, по свидетельству английского посла Джерома Горсея, считал себя отнюдь не «азиатом», а «немцем»). Отнюдь не случайным, в свете вышеизложенного, представляется внешнее сходство знака высшего ордена Российской Империи – ордена Святого Андрея Первозванного – со знаком одноименного масонского ордена, сходство Государственного герба России – унаследованного от византийских Палеологов **«двоглавого орла»** – с двуглавым орлом степени **«рыцарь Кадош»** так называемого **«шотландского масонства»**, и многое другое. Масонами были отнюдь не одни декабристы, а почти что все российские государственные деятели и полководцы, включая генералиссимуса Александра Васильевича Суворова, фельдмаршала Михаила Илларионовича Голенищева-Кутузова и многих других видных деятелей отечественной истории. Естественно, многие символы, привычные им по общению в ложах, в том числе и «адамова голова», естественно и гармонично переходили в русскую воинскую символику. Другое дело, что разными людьми в одни и те же символы нередко вкладывался совершенно различный смысл.

«Череп и кости» в Русской армии

В период разразившейся 1 августа 1914 года Великой Отечественной войны особой популярностью эмблема **«Адамовой головы»** пользовалась в молодой, но уже прославившей себя многочисленными подвигами русской военной авиации. Было принято решение установить, в качестве дополнительной награды, или знака отличия, для лётчиков, сбивавших вражеские аэропланы, георгиевскую планку, на которой черепами со скрещенными костями отмечать число уничтоженных самолетов: золотыми черепами – десятки, серебряными черепами – единицы. Многие из подобных проектов воплотились в жизнь, сохранились подобные знаки, равно как и другие, в форме **«мёртвой головы»**, наложенной на пропеллер самолета.

После Февральского переворота 1917 года бездарная политика Временного правительства (отмена смертной казни за воинские преступления, отдания чести, чинопочитания, назначение на фронт комиссаров и прочие благоглупости) привела к тому,

что русская армия, дотоле спаянная железной дисциплиной и верностью Государю Императору, стала **«расползаться по всем швам»**. В безуспешных попытках избежать военной катастрофы Временным правительством начали создаваться **«ударные части»**, **«части смерти»**, **«революционные батальоны»**, **«штурмовые части»** и даже **«отряды добровольцев из увечных воинов»** (для награждения которых летом 1917 года был даже учрежден упоминавшийся нами выше особый знак в виде черепа с костями на чёрно-красной ленте!), призванные своим примером воодушевить остальные, менее стойкие войска, усердно разлагавшиеся (на немецкие денежки) красными агитаторами, и тем самым удержать фронт от распада.

Наибольшей известности среди них достигли, пожалуй, **«Корниловский ударный отряд»** (выросший в ходе русско-советской гражданской войны до размеров дивизии и послуживший костяком белой Добровольческой Армии – позднее **«Вооруженных Сил Юга России»**) и **«Женская боевая команда (позднее – батальон смерти)»** Марии Бочкарёвой, защищавшая от большевиков Зимний дворец в октябре 1917 года. Но было сформировано и немало других аналогичных частей, не менее самоотверженно дравшихся за честь и славу исторической России на полях гражданской войны. В их символике – на погонах, фуражках, папахах, жетонах и нарукавных щитках, наградах, знаменах, перстнях и нагрудных знаках корниловцев, анненковцев, дроздовцев, бойцов Западной Добровольческой Армии генерала князя Авалова (Бермондта), отрядов атамана Булак-Балаховича, донских казаков-гундоровцев, Железной бригады Чехословацкого Корпуса, ударников генерала Гайды, Сибирской штурмовой бригады полковника Пепеляева и многих других непременно присутствовала **«мёртвая голова»** – как символ смерти и воскресения, причем та же самая идея нередко выражалась и чёрно-белой цветовой «схимнической» гаммой военной формы белогвардейских частей. Как бы подчёркивая этот свой **«крестоносно-монашеский»** характер, русские белые воины нередко использовали в своей символике белый православный или мальтийский **«кавалерский» («рыцарский»)** крест, а марковцы даже носили на поясе чёрные чётки-лествицы – нисколько не опасаясь соседства христианской символики с **«черепом и костями»**. И православные иереи служили молебны и благословляли их на правый бой, совершенно не смущаясь присутствием «зловещего символа».

Последними, кто, продолжая традицию Якова Петровича Бакланова, носил **«череп и кости»** на полях сражений (правда, уже Второй мировой войны, которая воспринималась ими, прежде всего, как продолжение войны гражданской), были **«белые казаки» 1-й Казачьей Кавалерийской дивизии**, позднее **XV (XIV) Казачьего Кавалерийского Корпуса** генерала Гельмута фон Паннвица и многих других казачьих частей и подразделений в составе германского вермахта, а позднее – и Ваффен СС.

А вот советские большевики в период гражданской войны в России вкладывали в символ **«черепа и костей»** действительно убийственно-зловещий смысл. Любопытно, что боснийский гимназист Гаврила Принцип, чей провокационный выстрел в австрийского эрцгерцога Франца-Фердинанда 1 августа 1914 года в боснийском Сараево вызвал четырёхлетнюю мировую кровавую бойню и привел к крушению четырёх крупнейших империй – и, прежде всего – Российской – был членом террористической организации **«Чёрная рука»**, эмблемой которой также служили **череп и кости**. После выстрелов в Ульянова-Ленина осенью 1918 года (до сих пор неизвестно кем произведенных) большевицкая ЧК развязала невиданный по жестокости **«красный террор»** против всех патриотов России и просто честных русских людей... под знаком **черепа с костями** (сохранилась фотография демонстрации петроградских чекистов под лозунгом: «Смерть буржуазии и ее прихвостням, да здравствует красный террор!»). Описывая попытки одесского чекиста вербовать пленных офицеров на советскую службу, старшина Украинской Галицийской Армии Ярич-Запильский подчеркивал: «... У него на отвороте тужурки **золотой человеческий череп с двумя костями** (курсив наш – В.А.). Это – знак чрезвычайки». Пьяная матросня, по выражению большевицкого барда Владимира Маяковского, **«прикладями гнавшая**

седых адмиралов» в море **«с моста в Гельсингфорсе»**, творила свои злодеяния под стягом с **черепом и костями** со сходной надписью «Смерть буржуйам». На знамени **«анархо-коммунистов»** большевицкого союзника **«бабки»** Махно, сорвавшего освободительный деникинский **«поход на Москву»**, красовались также **«мёртвая голова»** и надпись: «Смерть всім, хто на пиришкодї добутья вільності трудовому люду». Характерно, что белые сочетали в своей символике «череп и кости» с выражением готовности умереть, если надо, самим ради спасения родины (на украшенном **«мёртвой головой»** знамени **«Царскосельского батальона смерти»** так и было написано: «Лучше смерть, чем гибель Родины»), а нередко – и с ликом Христа Спасителя (как на знамени **«Женского батальона смерти»** Марии Бочкаревой). В то же время на большевицких знаменах **«мёртвая голова»** всегда присутствовала в сочетании отнюдь не с заявлением о готовности красных умереть самим (ну, если не за Родину, то хотя бы за пресловутую **«мировую революцию»**), а с непременными призывами убить кого-то другого («мировую буржуазию», «врагов трудового народа», «контрреволюционеров», «прихвостней старого режима», неважно кого – лишь бы кого-то убить...). Самолеты белых были украшены православными крестами, державными двуглавыми орлами (хотя и без корон!), изображениями русских богатырей и национальными цветами Великой России. А на советских самолетах той поры зловеще ухмылявшиеся черепа и кости прекрасно сочетались с кровавыми и чёрными пентаграммами, вампирами, ведьмами, красными дьяволятами (в буквальном смысле слова!), бутылками водки, чертями-куроцапами и прочей бесовщиной. Впрочем, сатанинские корни большевицкой символики являются предметом отдельного исследования, выходящего за рамки нашей темы.

Всего через несколько месяцев, вскоре после окончания Великой войны, капитуляции Германии и начала вспыхнувшей там Ноябрьской революции 1918 года, эмблему **«мёртвой головы»** переняли бойцы белых добровольческих корпусов (**«фрайкоров»**), мобилизованных новым республиканским правительством Фридриха Эберта, Филиппа Шейдемана и Густава Носке на борьбу с немецкими большевиками-спартаковцами (немало ветеранов **штурмовых** и **ударных** отрядов времен Великой войны вступило в эти добровольческие корпуса, привив им свой ударный дух и свою ударную тактику). Об этом повествуется, в частности, в книге немецкого консервативного революционера Эрнста Юнгера – «Борьба за Державу» («Der Kampf um das Reich»), в которой он дал всеобъемлющую панораму Ноябрьской революции, или, говоря точнее – гражданской войны в Германии 1918-1923 годов, выигранной белыми добровольческими корпусами, а фактически – вчерашними бойцами **штурмовых** и **ударных** отрядов Великой войны в не менее ожесточенных и кровопролитных схватках с внутренними и внешними врагами Германии. Поэтому не удивительно, что многие принявшие участие в борьбе с германскими большевиками и остановившие иноземное вторжение на внешних рубежах Германии (в Прибалтике, Силезии и других приграничных областях) белые добровольческие отряды, в память о яростных **штурмовых** атаках только что отгремевшей Великой войны, именовались **штурмовыми** (например, Добровольческий штурмовой учебный полк, Добровольческий штурмовой отряд «Шлихтингсгейм», Добровольческий штурмовой отряд Курбьера, Штурмовой отряд Росбаха, Штурмовой батальон Шмидта, Штурмовой отряд Гейнца, Баденский штурмовой батальон, Тирольский штурмовой взвод в составе добровольческого корпуса «Оберланд» и др.), или ударными (Ударный отряд Балтийского ландесвера, Ударный отряд «Эльберсфельд», Железнодорожный ударный отряд «Рур» и т.п.). К моменту завершения этой борьбы многие бывшие **«ударники»** и **«штурмовики»** Первой мировой уже служили в рядах СС – под тем же знаком **черепа с костями**. Но все это случилось несколько позднее. Мы же на прежнее возвратимся.

Чапаев и Каппель

Был у советской власти, кстати, и еще один **«зуб»** на Владимира Каппеля. Очень уже обидно было «ленинской гвардии», что Каппель молодецким набегом отнял у нее в Казани царское золото.

Между прочим, несмотря на то, что центральным эпизодом фильма «братьев» Васильевых «Чапаев» является разгром **«каппелевцев»** удалыми чапаевцами, точных сведений о том, встречался ли Каппель в бою с громадной (до 40 000 штыков и сабель) **25-й Чапаевской дивизией** (являвшейся по тем временам высоко механизированным соединением, имевшим на вооружении многочисленную артиллерию, броневые автомобили, мотоциклы и аэропланы; сам легендарный комдив товарищ Василий Иванович Чапаев предпочитал передвигаться отнюдь не на **«лихом коне»** или тачанке с пулеметом, а на автомобиле марки «Форд», с неплохой для описываемого времени скоростью 50 километров в час), на сегодняшний день не имеется. Историки спорят об этом до сих пор. Но чисто теоретически **25-я Чапаевская дивизия** и **Волжский (Сибирский) корпус Каппеля** могли встречаться в бою в период летне-весеннего наступления красных 1919 года под Белебеем, где прибывавшие из тыла каппелевцы прямо с эшелонов вводились в бой. Могли они сойтись в бою и при обороне белыми Уфы, где части каппелевского корпуса принимали активное участие в наступлении на захваченный чапаевцами плацдарм (кстати, по приказу Чапаева красная артиллерия обстреливала Уфу, включая мирные кварталы, химическими снарядами; впрочем, для **«армии мировой революции»** применение боевых отравляющих веществ – особенно иприта и фосгена – было чем-то само собой разумеющимся, удушающие газы применяли не только Фрунзе и Чапаев под Уфой, но и Какурин с Жуковым и Тухачевским против повстанческой крестьянской армии братьев Антоновых на Тамбовщине в 1921 году, и многие другие). На даже если бы такого реального боевого столкновения Чапаева с Каппелем и не было в действительности, идеологический заказ, полученный «братьями» Васильевыми, был совершенно однозначен: показать столкновение **«народного героя»** Чапаева с **«врагами народа»**, которым придавались заведомо нечеловеческие черты. Поэтому облик бойцов подлинно **народной** армии Каппеля был до неузнаваемости изменен множеством **«классово чуждых»** и **«антинародных»** атрибутов.

«Ледяного похода знак»

Серебряный оксидированный терновый венец, пересеченный по диагонали серебряным же мечом – Знак 1-го Кубанского (Ледяного) похода, установленный для чинов Добровольческой армии генералов Корнилова-Деникина-Алексеева в 1918 году – награда, ставшая основным символом Белого движения – хорошо знакома всем интересующимся эпохой первой русско-советской Гражданской войны. Значительно меньшей известностью пользуется другой знак русской Белой армии, учрежденный в феврале 1920 года «За Великий Сибирский поход» – внешне такой же, но не с серебряным, а с золотым мечом.

Как мы уже знаем, белый рыцарь Владимир Каппель совершил величайший подвиг христианской любви, **положив**, по слову Святого Евангелия, **душу свою за други своя**. Имея возможность «пристроиться» в один из «союзнических» эшелонов, он предпочел пойти во главе авангарда своих верных каппелевцев и предал свой чистый дух Господу Богу на руках своих добровольцев. Его последние слова были исполнены глубочайшего благородства:

«Передайте войскам, что я любил Россию, любил их, и своей смертью среди них доказал это».

Владимир Оскарович Каппель умер в результате обморожения (сделавшего необходимым частичную ампутацию ступней – в частности, пяток и пальцев ног) и крупозного воспаления легких (по свидетельству осматривавшего его перед смертью врача, одного легкого у Каппеля уже почти не осталось, а от другого осталась едва ли половина!), во время тысячевостного Ледяного похода сибирской Белой армии 26 января 1920 года. Перед смертью, уже не в силах сидеть на коне, даже привязанным к седлу, Владимир Оскарович приказывал выносить себя к войскам на носилках, отдавая здоровой рукой честь проходящим войскам. Умирая, он снял со своей груди Георгиевский крест, а с пальца – обручальное кольцо и передал их генералу Войцеховскому. Каппель попросил Войцеховского при возможности передать кольцо своей супруге, Ольге Сергеевне. Жена Каппеля была арестована большевиками по приказу командующего красным Пермским фронтом Мрачковского после бегства Владимира Оскаровича в Самару для участия в антибольшевицкой борьбе, и с тех пор находилась в штабе Мрачковского под постоянным и строгим надзором. Там же остались родители В.О. Каппеля и его двое детей. При освобождении белыми войсками генерала Пепеляева Перми группе офицеров удалось спасти родителей и детей Каппеля и вывезти их в Иркутск, где они, однако, снова попали в плен к красным.

Однажды большевики «намекнули» Владимиру Оскаровичу через перебежчика, что, если бы Каппель ослабил свои удары по красным, его жена могла бы быть освобождена. На это Каппель отвечал: «Расстреляйте жену, ибо она, как и я, считает для себя величайшей наградой на земле от Бога – это умереть за Родину. А вас я как бил, так и буду бить».

Если бы все русские воины дали большевикам, принуждающим их идти служить в Красную армию под угрозой расправы с их женами и детьми, аналогичный ответ, Россия никогда не попала бы под власть Коминтерна.

11 февраля 1920 года верный соратник погибшего Каппеля, Главнокомандующий Восточным фронтом в Забайкалье генерал С.Н. Войцеховский, подписал приказ №9. В приказе, в частности, говорилось:

§1. В воздаяние исключительных опасностей и трудов, понесенных войсками Восточного фронта в беспримерном переходе с берегов Иртыша на Байкал, утверждаю Знак Отличия Военного Ордена «За Великий Сибирский поход».

К приказу прилагались датированные также 11-м февраля «Описание» награды и «Положение об учреждении» ее.

Знак описывался следующим образом:

«Серебряный оксидированный терновый венок, пронзенный золотым мечом. Меч расположен снизу вверх, справа налево, входя со внутренней стороны в венок и выходя наружу с лицевой стороны. Знак... жалуются: 1-я степень на Георгиевской (черно-оранжевой – В.А.) ленте без банта (то есть, без розетки бело-сине-красных русских национальных цветов, имеющейся на ленте знаков за 1-й Кубанский поход – В.А.), 2-я степень на Владимирской (черно-красной – В.А.) ленте без банта».

В «Положении» об учреждении знака говорилось:

«ОБЩИЕ ПОЛОЖЕНИЯ»

Знак отличия Военного Ордена «За Великий Сибирский поход» (далее – З.О.В.О. «За В.С.П.» – В.А.) учреждается в воздаяние беспримерные опасности и труды, понесенные армией во время похода с берегов Иртыша на Байкал.

З.О.В.О. «За В.С.П.» почитается учрежденным с февраля 11 дня 1920 года.

З.О.В.О. имеет две степени: 1-я степень носится на Георгиевской ленте без банта, 2-я степень – на Владимирской ленте без банта.

З.О.В.О. «За В.С.П.» почитается старше всех медалей и носится левее орденов, правее всех медалей; у солдат носится непосредственно вслед за Георгиевским крестом 4-й степени.

З.О.В.О. «За В.С.П.» жалуются Генералам, Штаб- и Ober-офицерам, солдатам и женщинам на основаниях и условиях нижеизложенных.

Число Кавалеров З.О. ограничено числом лиц, вышедших в Забайкалье в составе частей Восточного фронта; прочие отряды, вышедшие позднее, равно как и отдельные лица, приобретают право ношения знака только по особому приказу Командующего войсками.

КТО И ЗА КАКИЕ ПОДВИГИ ИМЕЕТ ПРАВО НА НАГРАЖДЕНИЕ З.О.В.О. «ЗА В.С.П.»

З.О.В.О. «За В.С.П.» жалуются: 1-й степени – лицам, бывшим в строю и в Оперативных штабах; 2-й степени – всем остальным.

ПОРЯДОК НАГРАЖДЕНИЯ З.О.В.О. «За В.С.П.»

Об удостоении (так в тексте «Положения» – В.А.) к З.О.В.О. «За В.С.П.» делается представление по восходящему строевому Начальству.

Всякий ближайший Начальник, прежде представления, обязан строго исследовать, действительно ли представляемый заслуживает З.О., и удовлетворяет требованиям для награждения оным.

Открывшаяся позднее неосновательность представления по производстве расследования и в зависимости от результатов такового, подвергает сделавшего представление ответственности по суду.

Если совершивший Великий Сибирский поход погибает, то это не устраняет возможности представления к награждению З.О.В.О., с распространением прав на его семью; семьи лиц, убитых в бою, получают право на знак независимо от довершения похода.

Имена всех удостоенных награждения З.О.В.О. объявляются в приказе по войскам с указанием порядкового номера З.О., выгравированного на самом знаке и с выдачей удостоверений о пожаловании З.О.В.О. за подписью Командующего войсками или Начальника его Штаба».

И, наконец, 16 июня 1921 года Командующий Войсками Временного Приамурского Правительства генерал-лейтенант Л. А. Вержбицкий издал Приказ №20:

«Устанавливаю отличительный нарукавный знак для членов «Каппелевской армии», совершивших «Великий Сибирский поход».

Знак, пожалованный генералом Вержбицким последним каппелевцам, представлял собой черно-оранжевую Георгиевскую ленту, сложенную под углом в 45 градусов. Подобно бело-сине-красному «национальному углу» (шеvronу) Добровольческой армии, «каппелевский знак» носился на левом рукаве, но углом не вниз, а вверх.

Вместо эпилога

Как мы уже знаем, Владимир Оскарович Каппель был похоронен своими соратниками, несшими его бранные останки на руках, в Чите, а, когда Читу пришлось оставить под натиском наседавших красных полчищ – перезахоронен в Харбине, в ограде русской военной церкви Иверской Божьей Матери, на последнем островке Белой России в Китае (тогда еще не красном, а желтом, но стремительно красневшем). После утверждения в Китае коммунистической диктатуры Мао Цзэдуна красные китайские власти, под давлением своих советских хозяев из московского Кремля, и, более того, по прямому указанию советского консула, в 1955 году снесли памятник на могиле Каппеля, а саму могилу сравняли с землей. В 2007 году прах последнего Главнокомандующего войсками Белой Сибири был перенесен в Москву и перезахоронен на кладбище Донского монастыря, между могилами философа Ивана Ильина и генерала Антона Деникина.

Приложение

Арсений Несмелов

Броневик

У розового здания депо
С подпалинами копоти и грязи,
За самой дальней рельсовой тропой,
Куда и сцепщик с фонарем не лазит,
Ободранный и загнанный в тупик,
Ржавеет «Каппель», белый броневик.
Вдали перекликаются свистки
Локомотивов... Лязгают форкопы,
Кричат китайцы... И совсем близки
Веселой жизни путаные тропы;
Но жизнь неотвратимо далека
От пушек ржавого броневика.
Они глядят из узких амбразур
Железных башен – безнадежным взглядом,
По корпусу углярок, чуть внизу,
Сереет надпись: «Мы – до Петрограда!»
Но явственно стирает непогода
Надежды восемнадцатого года.
Тайфуны с Гоби шевелят пески,
О сталь щитов звенят, звенят песчинки...
И от бойниц протянуты мыски
Песка на опорожненные цинки:
Их исковеркал неудачный бой
С восставшими рабочими, с судьбой.
Последняя российская верста
Ушла на запад. Смотаны просторы.
Но в памяти легко перелистать
Весь длинный путь броневика, который,

Фиксируя атаки партизаны,
Едва не докатился до Казани.
Врага нащупывая издалика,
По насыпи, на зареве пожарищ, —
Сползались тяжело два броневика,
И «Каппеля» обстреливал «Товарищ».
А по бокам, раскапывая степь,
Перебегала, кувыряясь, цепь.
Гремит великолепная дуэль.
Так два богатыря перед войсками,
Сойдясь в единоборческий дуэт,
Решали спор, тянувшийся годами...
Кто Голиаф из них и кто Давид —
Об этом будущее прогремит.
Подтягиваясь на веревке верст,
Кряхтя, наматывая их на оси,
Полз серый «Каппель», неуклонно пер,
Стремясь Москву обстреливать под осень,
Но отступающим — не раз, не два —
Рвались мостов стальные кружева.
А по ночам, когда сибирский мрак
Садился пушкам на стальные дула, —
Кто сторожил и охранял бивак,
Уйдя за полевые караулы?
Перед глухой восставшею страной
Стоял и вслушивался, стальной...
Что слышал он, когда смотрел туда,
Где от костров едва алели вспышки,
И щелкнувшей ладонью — «на удар!» —
Гредел приказ из командирской вышки:
«Костры поразложили, дуй их в пим!
Пусть, язвы их, не спят, коль мы не спим!»
У командира молодецкий вид.
Фуражка набок, расхлебаснут ворот.
Смекалист, бесшабашен, норовист —
Он чертом прет на обреченный город.
Любил когда-то Блока капитан,
А нынче верит в пушку и наган.
Из двадцати трех — отданы войне
Четыре гроыхающие года...
В земле, в теплушке, в тифе и в огне
(Не мутит зной, так треплет непогода!),
Всегда готов убить и умереть,
Такому ли над Блоками корпеть!
Но бесшабашное «не повезло!»
Становится стремительным откатом,
Когда все лица перекосит злость
И губы изуродованы матом:
Лихие пушки, броневик, твои
Крепят ариергардные бои!
У отступающих неверен глаз,
У отступающих нетверды руки,
Ведь колет сердце ржавая игла
Ленивой безнадежности и скуки,
И слышен в четкой тукоте колес
Крик красных партизанов: «Под откос!»
Ты отползал, как разъяренный краб,

Ты пятился, подняв клешни орудий,
Но, жадной мести сердце обокрав,
И ты рванулся к плачущей запруде
Людей бегущих. Мрачен и жесток,
Давя своих, ты вышел на восток...
Граничный столб. Китайский офицер
С раскосыми веселыми глазами,
С ленивою усмешкой на лице
Тебя встречал и пожимал плечами.
Твой командир — едва ль не генерал —
Ему почтительно откозырял.
И командиру вежливо: «Прошу!»
Его команде лающее: «Цубо!»
Надменный, как откормленный буржуй,
Харбин вас встретил холодно и грубо:
«Коль вы, шпана, не добыли Москвы,
На что же, голоштанье, мне вы?»
И чтоб его сильнее не прогневить —
Еще вчера стремительный и зоркий,
Уполз покорно серый броневик
За станцию, на затхлые задворки.
И девять лет на рельсах тупика
Ржавеет рыжий труп броневика.
И рядом с ним — ирония судьбы,
Ее громокипящие законы —
Подняв молотосерпные гербы,
Встают на отдых красные вагоны...
Что может быть мучительней и горше
Для мертвых дней твоих, бесклювый коршун!

Посетите [Библиотеку Велесовой Слободы](#), где вы можете скачать все публикации с 2003 года, а также [Архив сайта](#)!

Русский Интеллектуально-Познавательный Ресурс
«ВЕЛЕСОВА СЛОБОДА»



Если вы хотите автоматически получать информацию о всех обновлениях на сайте, подпишитесь на рассылку --> [Новости сайта Велесова Слобода](#).